

An impressionist painting of a woman with dark hair in a bun, wearing a light-colored dress with a floral pattern, sitting in a wooden chair outdoors. She is holding an open book and looking down at it. The background shows a lush green landscape with a body of water and distant hills, all rendered in a dappled, textured style characteristic of Impressionism. The overall color palette is dominated by greens, blues, and purples.

**Анна
Берсенева**

Двое в Барселоне

Анна Берсенева
Двое в Барселоне
Серия «Диалогия «Стильная
жизнь»», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135398
Полет над разлукой: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19847-4*

Аннотация

О том, что искусство требует жертв, Аля Девятаева знает не понаслышке. Театр, ради которого брошена стильная жизнь и карьера рекламной звезды, остается для нее главным. И никакие жертвы не кажутся Але чрезмерными для того, чтобы сохранить верность своему призванию. Молодая актриса подрабатывает официанткой в ночном клубе. И вдруг оказывается, что Аля должна принести последнюю, самую тяжелую жертву...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	54
Глава 5	80
Глава 6	91
Глава 7	113
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Анна Берсенева

Двое в Барселоне

Дорогой читатель Литрес!
Я старалась писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

Анн Берсенева
(Анна Берсенева)

Часть первая

Глава 1

Але казалось, что Москва-река на реку совсем не похожа. Река течет через лес, тихие деревья склоняются над нею с отвесных берегов. Или через луг, теряясь в высокой траве. А здесь – часть городского пейзажа, притом довольно грязная и непривлекательная часть.

Она подумала об этом, идя вдоль парапета Бережковской набережной, и тут же усмехнулась над собой.

Где ты луга-реки эти видела? В детстве разве что, на даче. Во сне и то уже не снятся...

Она вообще редко видела сны в последнее время, но не слишком об этом жалела. Впервые в жизни Аля чувствовала в себе тот холодный прагматизм, который раньше вызывал у нее растерянность, если приходилось встречать его в других. Когда спишь – надо спать, отдыхать, а не бередить и без того взбудораженное сознание. И так нелегко выдерживать ежедневное, хотя и любимое, лицедейство...

Поэтому она даже радовалась, что устает теперь так, чтобы спать без снов, проваливаясь в блаженную пустоту. И жалела об одном: что спать удастся мало. К четвертому курсу ненужных лекций в ГИТИСе не осталось, а пропускать спец-

предметы или тем более репетиции было совершенно невозможно, даже если после ночной работы было не до учебы.

Таким образом, усталость была и минусом, и плюсом ее нынешней жизни. А вообще-то Аля еще не знала, как относиться к себе в новом качестве. Не определилась еще, хотя, к собственному удивлению, сразу привыкла к своей новой роли. А чему удивляться? За гитисовские годы она именно и научилась привыкать к новым ролям и к тому, что их надо играть вне зависимости от настроения.

Идти по асфальту, покрытому снежной кашей, было нелегко, и Аля успела пожалеть, что пошла от метро пешком, вместо того чтобы проехать пару остановок на троллейбусе. Наверное, размышляя о реке, решила, что будет дышать свежим воздухом по дороге. Но влажный ноябрьский воздух над тусклой, незамерзшей Москвой-рекой пахнул только бензиновой гарью, и приходилось сомневаться, бывает ли он когда-нибудь свежим.

К тому же темнело рано, набережная была пустынна, и вообще-то небезопасно было идти по ней одинокой девушке. Особенно когда издалека заметно, что фигурка у девушки ничего и лет ей немного.

Впрочем, иногда Аля забывала, сколько ей лет. Когда ей впервые случилось припоминать свой возраст, чтобы ответить на чей-то вопрос, она даже испугалась слегка: что ж такое, все равно мне это, что ли? А потом и правда стало все равно. Ее только удивляло: как это она не заметила тот пе-

реход, после которого ей стали безразличны собственные годы?

Аля думала раньше, что такое безразличие наступает только в старости, а вот, оказывается... Впервые она заметила за собою эту странность примерно полгода назад и даже маме о ней рассказала, хотя и не думала, что ее это особенно заинтересует.

– Что ты, Алечка, – улыбнулась Инна Геннадьевна. – Наоборот, чем старше, тем важнее становится для женщины возраст. А в двадцать три-то года и без этого есть о чем помнить.

Улыбка у нее была мимолетная и привычно-рассеянная. Аля только вздохнула, вспомнив ту живость, с которой мама когда-то реагировала на любые ее слова и поступки. Готова была спорить, возмущаться, радоваться – да мало ли что еще! Цитаты воспитательные приводила из классики. И вот всего три года прошло, а ей уже почти безразлично, если не как живет, то уж, во всяком случае, как относится к жизни ее единственная дочь...

Безрадостность – самый безнадежный омут. Глядя на свою еще молодую и вполне привлекательную мать, Аля понимала справедливость этой пошло-назидательной мысли.

С тех пор как ушел отец, Инна Геннадьевна испробовала, кажется, все душевные состояния, которые может испробовать жена, оставленная еще совсем недавно любимшим мужем: от уныния до короткого, лихорадочного романа с мо-

лодым коллегой-врачом.

То ей становилась безразлична собственная внешность и она даже седеющие светлые волосы переставала подкрашивать в свой любимый «черничный» цвет. То, наоборот, решала, что все у нее еще впереди – и тратила чуть ли не всю зарплату на какое-нибудь безумно дорогое платье.

Но безрадостность стояла в ее огромных серых глазах, даже когда она впервые надевала это самое платье. Але казалось, что выпуклые стекла маминых очков делают эту безрадостность еще отчетливее.

Аля часто примеряла на себя чужие судьбы. Наверное, так делают все девушки в двадцать три года, а у нее эта примерка судьбы была связана еще и с особым, актерским чувством.

Но ни одна судьба ей не подходила. И мамина меньше любой другой. Что угодно – трагедия, отчаяние, боль, – только не эта безрадостность! Даже о разрыве с Ильей, первом и единственном крушении любовной иллюзии, ей легче было думать, чем о страшной жизненной тоске, которой дышала обыденность...

Она не хотела обыденности, с самого детства не хотела, она дорого заплатила за то, чтобы ее избежать, и до сих пор боялась ее хватких щупалец! Аля давно уже догадалась, что обыденность таится даже не в однообразной жизни, а только в собственной душе. Стоит ей там поселиться – и все, не спасешься ни в каком житейском празднике, хоть каждый день пляши на дискотеках, или меняй поклонников и наря-

ды, или читай самые интересные книги, или путешествуй от Северного полюса до Южного...

Любое событие надоест тебе еще раньше, чем произойдет, а почему – сам себе не объяснишь. Вот это-то она и чувствовала теперь в маме и внутренне содрогалась.

Безрадостная пустота поселилась в душе ее матери после того, как неожиданно и необъяснимо – а когда это бывает ожидаемо и объяснимо? – оборвалась любовь. И поэтому, думая о собственной любви, которой не было, но которая, может быть, все-таки будет когда-нибудь, Аля все отчетливее понимала, что совсем ее не ждет.

Всякая любовь проходит, за ушедшую любовь надо платить слишком дорогой ценой – опустошенной душой, – и этого она не хотела.

Идя по холодной, пустынной набережной, Аля думала об этом холодно и спокойно. И не помнила, сколько ей лет.

Театр, актерство было единственным, что спасало от пустоты наверняка, это она знала всегда, с самого детства, когда ни о какой пустоте вообще не думала. Впервые она почувствовала это интуитивно, а потом оказалось, что интуиция ее не подвела.

В темноте она не сразу заметила, как сначала река подернулась крупной рябью, а потом пошел снег. Через пять минут тяжелые мокрые хлопья облепили голову, и волосы повисли сосульками. Шапку Аля никогда не носила, да и ноябрь в этом году был какой-то хлипкий, бесснежный и уны-

лый, как эта серая набережная. Ей стало противно и тоскливо, и она прибавила шагу.

Ночной клуб «Терра инкогнита» был расположен не очень удобно: далеко от метро. Впрочем, неудобство ощущали разве что официантки. Основные посетители в метро все равно не ездили, даже когда, собираясь как следует оттянуться, приезжали «без руля».

Впервые услышав название клуба, в котором ей предстояло работать, Аля не сдержала улыбки.

– Ты чего? – удивилась однокурсница Лина Тарас, сосватавшая ее на эту работу. – Приличное название, по-моему, ничего смешного.

– Да нет, я не потому, – объяснила Аля. – Конечно, приличное. Но, думаешь, хотя бы половина клиентов понимает, что это такое?

– А зачем им понимать? – пожала плечами Линка. – Абы деньги платили.

Аля знала, что говорила, когда сомневалась в подкованности клиентов «Терры» в латыни. Год прожив с Ильей, она не понаслышке знала лучшие московские ночные клубы и рестораны. И хотя за три года открылось множество новых, но суть не изменилась. Поэтому она и понимала: трудно ожидать, что у нового, никому не известного заведения вдруг появятся клиенты из элиты бизнеса или богемы. Ну, будут ходить не слишком крутые бандиты, студенты да мелкие бизне-

смены, не обремененные образованием и готовые заниматься без разбору всем, что приносит деньги. На таких людей и предстояло работать.

Это было неприятно, но Алю не смущало и не пугало. Ее вообще почему-то ничего не испугало за время, прошедшее после расставания с Ильей. Жизнь менялась почти ежедневно, и поэтому три года казались ей бесконечно долгими. Хотя ведь в юности время вообще течет медленно...

Она не могла точно определить ни причины своего странного бесстрашия, ни даже того, радоваться ему или печалиться. Это было что-то смутное, так же неясно тревожащее, как забытье собственного возраста, как привычка к душевному холоду. И такое же тоскливое, как ноябрьский мокрый снег на пустынной набережной.

Аля не опоздала, но пришла последней. Барменша Ксения, конечно, была уже на месте и бросила на нее такой пронзительно-осуждающий взгляд, который лучше было не замечать, чтобы не испортить себе настроение на весь вечер. И Рита, напарница, уже протирала столы на своей половине пустого зала.

– Ритуля, протри мои, а? – попросила Аля. – Промокла, голову надо подсушить, а то рассопливлюсь до завтра.

– Сбегай, – кивнула Рита. – Все равно мыдлоны не скоро соберутся.

Мыдлонами называли клиентов, и в этом названии было точно отражено то бесконечное презрение, которое питали

к этой категории людей все без исключения работники ночного клуба.

Фен Аля попросила у посудомойки Кати. Кате было восемнадцать лет, она стояла на низшей ступени клубной социальной лестницы, но выглядела всегда так, как будто ей вот-вот предстоит бросить грязную посуду, вытереть руки и сесть за столик в зале рядом с самым роскошным мылдоном. Такой поворот судьбы был маловероятен, еще невероятнее было бы ожидать, что кто-нибудь, перепутав кухню с туалетом, забредет на Катин огонек и оценит красоту посудомойки.

И тем не менее именно у Кати, а не у шикарной барменши Ксении всегда имелся в сумке полный набор парфюмерии и косметики, зубная щетка последней модели, кружевные трусики, чулки и прочие интимные мелочи и даже маленький фен с «пальчиками», которые, согласно рекламе, делают прическу пышной.

Правда, подпышнить прическу феном Але было ни к чему: ее светлые волосы, казавшиеся воздушными, на самом деле были жесткими, как проволока, и поблескивали в вечернем свете. Из них можно было соорудить любую прическу за пять минут, и любая смотрелась эффектно. Подсушивая волосы, Аля украдкой разглядывала молоденькую посудомойку, занятую подсчетом чистых бокалов на подносе.

Макияж у Кати был в точности как у знаменитой телеведущей, так что даже простенькие черты ее юного лица каза-

лись довольно выразительными под надежным слоем косметики.

Аля только удивлялась про себя Катиной вере в чудо, которой позавидовала бы любая Золушка.

Когда она вернулась в зал, Ритка уже курила, сидя за одним из только что протертых столов.

– Зря ты шапку не носишь, – сказала она, глядя, как поднимается к потолку тонкая струйка дыма. – Попадешь под кислотный дождь, волосы испортишь. Жалко, хорошие.

– Я зонтик всегда с собой ношу, – ответила Аля, садясь рядом за столик.

– Но сегодня же забыла.

– Сегодня забыла.

– Дубленка у тебя хорошая, – завистливо заметила Рита. – На обе стороны можно носить, удобно, если дождь. Давно купила?

– Давно. Тогда в Луже еще недорогие были, – успокоила ее Аля.

Зачем будить в человеке зависть? Двустороннюю, до невосомости легкую испанскую дубленку цвета кофе с молоком Аля купила не в Лужниках, а в бутике на свой первый и единственный клиповый гонорар, и стоила она примерно столько, сколько Ритка зарабатывает за полгода.

Они перебрасывались скучными фразами, забывая их прежде, чем произносили до конца. Аля видела, что у Ритки не то чтобы плохое настроение – просто нет никакого. Она

не спрашивала, почему: надо будет, сама скажет.

Ритка действительно сказала, гася окурочек в фирменной пепельнице:

– День рожденья тут вчера праздновала. А сегодня опять работать. Что-то беспросветное.

– Зачем же ты здесь праздновала? – спросила Аля. – Не надоело разве?

– Не знаю, – пожала плечами Рита. – А где еще? Тут хоть все свои...

Это было то, что больше всего удивило Алю, как только она немного огляделась в «Терре». Все работники клуба непременно посещали его в свободное время: праздновали дни рожденья, приглашали подруг и кавалеров.

Аля работала всего третий месяц, но уже не могла представить: какое такое удовольствие можно испытать, придя в свободное время в зал, в котором несколько часов назад бежал между столиками, обслуживая клиентов?

Но приходили, отдыхали, радовались... Ладно еще Ритка, мать-одиночка, сокращенная в каком-то НИИ на первом месяце беременности, – женщина без особенных интересов, круг общения которой состоял из тех же официанток да из бывших сослуживиц. Самое удивительное заключалось в том, что таким же образом расслаблялись в «Терре» и девочки-студентки, подрабатывающие здесь несколько ночей в неделю, и выпускница консерватории Марина, имевшая ставку в филармоническом оркестре, где зарплату, правда,

почти не платили и концерты бывали раз в сто лет, но все-таки...

– Тут хоть знаешь, что не обсчитают, – словно оправдываясь, объяснила Рита. – И закажешь все самое лучшее, не по второму разу тебе принесут.

– Да мне-то что? – пожала плечами Аля. – Каждый ходит, куда нравится, и слава богу.

– Но ты-то же не ходишь, – заметила Рита.

Аля не только не ходила в «свой» клуб в свободное время, но и думать боялась о том, что может наступить день, когда ее потянет вечером в «Терру». Это была работа, за которую платили деньги, притом можно было поработать подольше и заработать побольше. И заработанные таким образом деньги нужны были не для того, чтобы сидеть ночами в кабаке, а чтобы жить так, как требовала душа. Чтобы выходить на сцену и не понимать, что с тобою происходит, а потом вдруг понять, а потом...

Все это трудно было объяснить Рите, да и незачем было объяснять.

– Вчера такой убой был! – вдруг оживилась та. – Нет, серьезно, Алька, жалко, что тебя не было! Представляешь, пришли два братка – ну натуральные, конкретные такие, цепи по два кило, гайки золотые и все такое. И двух проституток с собой привели.

– С чего это вдруг? – удивилась Аля.

Проституток в ночные клубы водить было не принято, с

ними просто расплачивались по таксе, без дополнительных развлечений.

– Да черт их разберет. А одна девка, представляешь, негритянка. Так мало того – ты б видела, что на ней надето было! Черный такой кружевной комбидрез и шортики коротенькие, прям трусы – и все, представляешь? – радостно засмеялась Ритка. – И, похоже, специально ради нее пришли, по личной просьбе. Братки взяли по чаю с лимоном, сидят мрачные такие, ждут. Группа наяривает вовсю, а она себе пляшет, представляешь? Такие фортеля выделявала, все наши сбежались посмотреть, не говоря про мыдлонов.

Судя по всему, это было самое сильное Риткино впечатление от вчерашнего праздника. И было бы просто свинством не расспросить подробности, разыгрывая интерес. «Неужели прямо в комбидрезе, а ты не путаешь, может, просто блузка такая? Да ну, что я, комбидрез не отличу! А вторая не негритянка? И что она в это время? Да ты что!»

И так далее.

Потом Ритка рассказала про компанию, которая сидела вчера всю ночь. Один башлял на девятерых, заказывал сплошь текилу, выкинул штуку баксов, а после всего потребовал расписать счет и дать всю сдачу.

– И ни рубля чаевых! – возмущалась Рита. – Наташка, говорит, прямо убила б его, сволочь такую! Целую ночь вокруг них и так и этак, пепельницы вытряхивала чуть не каждые пять минут. А он, гад – сдачу...

– Чему ты удивляешься? – усмехнулась Аля. – Человеческая комедия...

– Кому комедия, кому слезы горькие, – возразила Рита. – У Наташки на той неделе мыдлон сбежал, она и так теперь еще неделю бесплатно вкалывать будет, да еще и без чаевых остаться! Ну, в общем...

Конечно, Аля сочувствовала работавшей вчера Наташке, у которой, видно, наступила полоса невезения: и клиент сбежал, не расплатившись, и чаевые не шли. Но слишком убиваться по поводу людского коварства тоже не приходилось. «Виноват медведь, что корову задрал, виновата и корова: зачем в лес ходила?» – кажется, так звучала народная мудрость, которую любила повторять незабвенная Бася Львовна, соседка по мхатовскому дому в Глинищевском переулке.

– Так что как их не обсчитывать? – философски заметила Ритка. – От самих от них фиг чего дождешься.

Аля терпеть не могла те несколько часов, которые проходили от начала рабочего вечера до десяти, когда клиенты понемногу съезжались в «Терру».

Официантки слонялись по залу между двумя барами, болтали, курили, даже в бильярд пытались играть. Бармен Антон заигрывал то с одной, то с другой – и с каждой без особенного энтузиазма. Очередная поп-группа – чаще всего не слишком популярная, но и не совсем безвестная – настраивала аппаратуру.

Время шло медленно, но дело было даже не в скучной

медлительности времени.

Аля просто физически ощущала, что именно в эти свободно-ленивые часы она полностью погружается в ту жизнь, которая была своей, единственной для официантки Риты, барменши Ксении, посудомойки Кати, директора Яна... Как ни странно, именно тогда, когда в зале не было еще ни одного клиента, ей казалось, что она перестает быть студенткой выпускного курса ГИТИСа, любимой ученицей Карталова, актрисой Театра на Хитровке – и становится только официанткой ночного клуба «Терра инкогнита».

Ей казалось, что даже внешность ее меняется: исчезает трепетный и необычный контраст между светлыми волосами и большими черными глазами, сглаживается выразительность жестов, угловатая хрупкость сменяется обыкновенной «фигуристостью». И вот уже бегают по залу смазливая блондиночка, притягивая соловеющие взгляды мужчин с деньгами.

– Елки, до чего ж тоскливо! – громко произнесла Рита, заставив Алю вздрогнуть. – Ей-богу, даже мыдлонов обсчитывать неохота!

– Ну, это ты зря. – Аля улыбнулась, глядя на нее. – Сама же говоришь...

Рита только вздохнула. На вид Алиной напарнице было за тридцать, и едва ли она выглядела моложе своих лет. На ее лице не лежала и та печать забот, которая уродует и без времени старит лица многих одиноких женщин с детьми.

Аля всегда приглядывалась к женским лицам, словно в копилку какую-то складывала их в своей памяти. И ее сразу удивило в Рите именно это: ни подавленности, ни полета – какая-то совершенно безнадежная невыразительность. Это было особенно удивительно потому, что мелкие, четко очерченные Ритины черты были вообще-то довольно привлекательны. И темные волосы хорошо покрашены, и небольшие серые глаза умело увеличены подводкой, и фигурка обтянута соответствующей одеждой.

А вот нет какого-то огонька в глазах – и нет женщины. Не зря же на Ритку редко обращали внимание клиенты, которые вообще-то не прочь были цепляться к официанткам даже без определенной цели, просто по инерции.

Первые из них и появились наконец в зале. Сегодня, в пятницу, клиентов ожидалось достаточно.

– Все, Маргарита, – сказала Аля, вставая из-за столика и забирая пепельницу, которую Ритка успела наполнить окурками. – Труба зовет.

Глава 2

Аля Девятаева совсем не ожидала, что ей придется стать официанткой ночного клуба.

Конечно, после того как она ушла от Ильи и резко оборвала свою так радужно начавшуюся карьеру клиповой звезды, ее жизнь нельзя было назвать не только роскошной, но даже просто беззаботной. Бедностью называлось то, как жили они с мамой, участковым педиатром, и нечего тут было изобретать красивые названия.

И все-таки это не слишком угнетало: во всяком случае, об этом можно было думать без особенного напряжения. Конечно, денег даже на обед в институтской столовой хватало не всегда, но все-таки Але не приходилось, как многим ее однокурсникам, отдавать последнее за наемную комнату в коммуналке. А подрабатывая то там, то тут – Снегурочкой на новогодних елках, например, – даже удавалось изредка покупать какие-нибудь не слишком дорогие, но оригинальные тряпки.

А в начале четвертого курса она и вовсе нашла заработок понадежнее. В гуманитарном лицее, как называлась теперь обыкновенная школа неподалеку от Алиного дома, затеяли преподавать странный предмет, который назвали сценической пластикой.

Зачем могла понадобиться пластика, да еще сценическая,

прагматичным деткам, которые были озабочены куда более насущными проблемами своего жизнеустройства, непонятно. Но предмет объявили, деньги с родителей получили, и тут выяснилось, что педагог, под которого и было затеяно это мероприятие, нашел работу в более перспективном месте, чем тушинский лицей.

Аля обнаружила объявление в бесплатной газете «Северо-Запад», которую время от времени бросали в почтовый ящик. Деньги предлагались небольшие, но надежные, она тут же отправилась по указанному адресу и уже на следующий день рассказала однокурснице Лине о так неожиданно найденной халтуре.

– Повезло, – вздохнула Линка. – Все-таки дети... Не мыдлоны какие-нибудь!

– Мыдлоны? – удивилась Аля, впервые услышав это слово.

Линка уже год работала в ночном клубе, который то закрывался из-за конфликтов с «крышей», то снова открывался по новому адресу. Она и объяснила Але, кто такие мыдлоны.

Линке можно было посочувствовать. Ее родители жили в каком-то шахтерском городке на Украине, а это значило, что об их помощи следовало забыть, хотя они обожали свою доньку, которой удалось пробиться аж в самую Москву, в главный театральный институт. А родители Левы Наймана, с которым Лина познакомилась во время вступительных экза-

менов и за которого вышла замуж уже в сентябре на первом курсе, терпеть не могли невестку, поломавшую, как они почему-то считали, театральную карьеру их сына. Из дому, правда, молодую семью не гнали, но и условия создали такие, что Линка слевой быстренько смылись на квартиру сами.

В общем, у Лины Тарас было из-за чего идти в официантки. А Але вполне хватало скромной лицейской подработки.

Лина была самой милой и доброй девочкой на всем курсе, любой мог рассчитывать на ее помощь – моральную, а при малейшей возможности и материальную. Леве, вопреки родительскому представлению, повезло с женой.

Да и красивая она была, в этом и сомнений не было: стройная, с длинными, совершенно белыми прямыми волосами и большими миндалевидными глазами потрясающего аквамаринового цвета – то есть прозрачными. Ее внешности завидовали, кажется, все девчонки, кроме Али. Лина почти тезка, дочка известного режиссера по имени Лика, даже интересовалась насмешливо:

– Ты, Линуся, подтяжечку случайно не делала еще? Глазки у тебя – прямо до висков, по таким штучкам в Голливуде определяют, когда звезды старость свою начинают скрывать!

И все-таки Аля понять не могла, почему такой придирчивый и прозорливый мастер, как Карталов, взял на свой курс Лину. Чего-то в ней не хватало, что ли... Или наоборот – слишком гармоничным, округлым было каждое ее движение и весь облик?

Но говорить о таких смутных, самой не до конца понятных вещах с Линой, конечно, не хотелось. Потому что говорить с ней было легко: от нее совсем не исходила зависть, к которой Аля уже успела привыкнуть, учась в ГИТИСе, и которая вообще-то могла считаться естественным актерским качеством.

Они и разговаривали о чем-то веселом однажды поздним сентябрьским вечером, сидя в гитисовской мастерской за шитьем костюмов. Лина, правда, не играла в новом студенческом спектакле – чеховской «Свадьбе», – но Аля играла невесту, и Лина помогала ей подогнуть по фигуре безразмерное свадебное платье, верой и правдой служившее свадебным ролям не одного поколения студентов.

Аля шить не умела совершенно, оторвавшаяся пуговица была для нее если не совсем проблемой, то по крайней мере большим неудобством. И она с уважением следила, как мелькает иголка в тонких Линкиных пальцах. Почувствовав ее взгляд, та подняла глаза от шитья.

– Что ты, Шурочка? – спросила она, привычно переиначивая Алино имя, которое каждый кроил по-своему.

– Да просто... Есть же люди! Все умеют, ни в чем их действительность не тормозит.

Аля ответила совершенно искренне и поэтому, наверное, не слишком понятно.

– Вот тоже мне, нашла уменье! – Линка махнула рукой – так, что иголка вырвалась из ее пальцев и повисла на нитке. –

Талию ушить! Ну и надо было мне в костюмеры идти.

– Да ты что! – даже смутилась Аля. – Я же совсем не то имела в виду. Наоборот, удивляюсь, как это тебя на все хватает.

– А на что? – Але показалось, что какая-то слишком веселая нотка мелькнула в Линкином голосе, сверкнула в глазах. – Нет, ты скажи – на что, по-твоему, меня хватает?

– Ну, вообще, – не сразу нашлась она. – Шьешь вот... Левка всегда как куколка ходит. Да вообще – на все!

– Вот видишь! – Линкин голос прозвучал почти торжественно. – Как будто и не про артистку...

Аля даже покраснела от своей невольной неловкости.

– Ты не обижайся, Лин, – принялась было уверять она, – я просто выразилась неточно. А сценречью, помнишь, сколько ты занималась, когда акцент надо было убрать? Да что это ты сегодня, в самом деле?

– А я не обижаюсь, – спокойно ответила та. – На что обижаться? Я и сама знаю. Не то чтобы мое место только на кухне, но уж точно, что не на сцене.

Ее спокойствие сбило Алю с толку. Вот так, без малейшей горечи, говорить о том, что напрасно потрачены лучшие юные годы, что ошиблась с выбором будущего? А главное, она не знала, как возразить...

– А ты не возражай, – словно подслушав ее мысли, сказала Линка. – По-моему, все вовремя. Хуже было бы, если б я еще лет через десять спохватилась. А так – хоть Карталов

вздыхнет с облегчением. Он же меня по ошибке взял, разве я не понимаю? Вместо тебя.

– Как это – вместо меня? – поразились Аля.

– Да очень просто, – пожала плечами Лина. – Ты ж в последнюю минуту исчезла куда-то, на собеседование не пришла. Он и взял меня, лирическую героиню думал сделать. Обманулся внешностью!

Аля так растерялась от этого неожиданного заявления, что не нашлась с ответом.

– Кто это тебе сказал? – наконец пробормотала она. – Сам, что ли?

– Ну-у, сам он не скажет... Хотя – спроси его, если хочешь. Пospорить могу, что подтвердит! Да ты не переживай, – успокаивающе заметила она. – Думаешь, я о чем-то жалею? Мне знаешь как учиться нравилось! Люди какие интересные, занятия, я же театр все равно люблю до чертиков. И Левушку встретила, ребенка вот рожу.

– Ребенка?! – Невероятные известия сыпались на Алю в этот вечер как из рога изобилия. – Какого еще ребенка?

– Какой получится, – усмехнулась Лина. – Я сначала сомневалась, а потом думаю: и очень даже отлично, по крайней мере, уйду без шума и Карталова напрягать не буду. Он же мне и ролей совсем уже не дает, глаза только отводит, а выгнать стесняется, что ли... Так зачем я буду тянуть? Примеряй, Шурка, – завершила она разговор. – Уж дальше ушивать некуда, отрезать придется, если опять велико будет.

Аля была так ошеломлена этим неожиданным разговором, что машинально надела платье, застегнула тугие крючки, глядя на Лину круглыми глазами.

– Ну, что ты так на меня смотришь? – рассмеялась та. – Еще ничего не видно, смотреть не на что!

– Да нет, я не из-за того, – слегка смутилась Аля. – Просто странно: ты такие вещи говоришь и совсем не переживаешь?

– Ой, Шурочка, да есть мне о чем переживать! – махнула рукой Лина. – У меня токсикоз жуткий, может, в больницу придется ложиться. Да хоть и не в больницу, все равно тяжело всю ночь между столиками бегать. Придется увольняться, а как с деньгами, а Левка из-за меня переживает, а ребенок появится? Короче, одни проблемы.

– Свекровь поможет, – сердито заметила Аля. – Что ж она, вообще не человек? Внук все-таки, от единственного сына!

– Кто ее знает... – с сомнением протянула Лина. – Ладно, что загадывать. Поможет, не поможет – увольняться все равно придется. Не хочешь на мое место устроиться? – поинтересовалась она. – Деньги неплохие, хотя, конечно, не с неба валяются.

– Да нет, – пожала плечами Аля. – Зачем мне? Лучше меньше, да лучше.

Ее взволновало то, что Линка сказала о Карталове: что он взял ее на курс по ошибке, вместо Али. Значит, было в них какое-то сходство, заставившее обмануться даже опытного мастера, и было вместе с тем какое-то неодолимое различие.

Поэтому она пропустила мимо ушей Линкино предложение.

Могла ли она думать тогда, что именно предложение работы вскоре окажется главным, чем вспомнится вечерний разговор в гитисовской мастерской!

Мамина жизнь тревожила Алю и печалила, но почти не влияла на ее собственную во все годы учебы.

Сначала долго тянулся мучительный разрыв с отцом. Он то уходил, то возвращался – вернее, делал вид, что возвращается; и Аля понимала, что вид он делает уже даже не перед мамой, а только перед нею.

Ей особенно тяжело было вспоминать именно то время, перед окончательным родительским расставанием. Когда мама заговаривала об отце – а это она делала часто, с каким-то болезненным удовольствием, – в ее голосе звучал металл.

– Ты понимаешь, что он меняет женщин как перчатки? – спрашивала она.

Аля не знала, что ответить. Отец как раз сказал ей два дня назад, что, кажется, встретил ту единственную женщину, которая и была ему нужна всю жизнь, что он мучается, но ничего не может поделать с собой... Что он скоро уйдет совсем, не будет больше пытаться склеить разбитую чашку...

Но надо ли было говорить об этом маме? Этого Аля не знала и, по правде говоря, не хотела об этом думать. Карта-

лов только что принял ее в ГИТИС, сразу на второй курс, она сдавала все предметы первого, мучилась из-за настороженности, с которой встретили ее однокурсники, с ужасом понимала, что ничего не умеет, ночами не спала... Со своими бы делами разобраться!

Да и воспоминания об Илье еще не стали настоящими воспоминаниями, они тревожно присутствовали в ее жизни, и каждый день, идя по институтскому коридору, Аля боялась, что он вот-вот покажется на повороте...

Она вздохнула с облегчением, когда родительский разрыв наконец завершился. Это был именно вздох облегчения, а не радости; более светлым чувствам теперь не было места в их семейных отношениях.

С отцом она встречалась довольно часто, но всегда на стороне: в каком-нибудь кафе, или во дворике ГИТИСа, или даже в кинотеатре «Иллюзион», куда он приходил, чтобы смотреть вместе с дочерью хорошие старые фильмы.

Приходить к отцу в новый дом она не могла, да он и не настаивал, потому что дома, по сути, никакого не было. Была молодая и, может быть, действительно любящая жена, которая ради Андрея Михайловича ушла от мужа и с которой они вместе маялись теперь по съемным квартирам. Аля предложила было разменять их тушинское жилье, но отец только рукой махнул. Да и на что можно было разменять двухкомнатную «панельку», в которой остались две женщины?

Все это было, конечно, безрадостно. Но жизнь, подхва-

тившая Алю с того самого дня, когда она переступила порог карталовского дома и поняла, что будет у него учиться и будет актрисой, – эта жизнь была настолько полна, что в ней не было места семейному унынию.

Поэтому Аля только краем сердца воспринимала то, что происходило с мамой: ее романы, разрывы, решимость и отчаяние... Да и что она могла сделать?

Поэтому не придавала значения и тому, что Инну Геннадьевну все чаще спрашивает по телефону какой-то новый голос с едва ощутимым кавказским акцентом. Не заметила и того, что мама похорошела – как-то по-особенному, не просто по-весеннему, как хорошеют все женщины с обновлением погоды.

И только когда мама попросила ее не уходить вечером, потому что хочет познакомить с Ревазом Аркадьевичем, Аля с удивлением догадалась, что новый кавалер, кажется, появился в маминой жизни не на один месяц.

... Они сидели на кухне, стол был уставлен блюдами с остатками еды. Аля вылила последние капли «Хванчкары» из бутылки в свой бокал и прислонилась к подоконнику. Створка была открыта, апрельская ночь трепетала за окном, прикасаясь к ее плечам.

– Ну, что ты скажешь? – наконец нарушила молчание мама.

– А что тут можно сказать? – улыбнулась Аля. – Конечно, он прелестный и в тебя, конечно, влюблен как мальчик.

Сколько ему лет, кстати?

– Пятьдесят.

– Он... у нас будет жить? – осторожно поинтересовалась она.

– Нет, – покачала головой Инна Геннадьевна. – Пока, во всяком случае, не будет. Он скоро в Грузию уезжает на пару месяцев. Нам обоим это необходимо, ты понимаешь? Мы оба должны прийти в себя... Это было так неожиданно, Алька, ты представить себе не можешь! – Мамино лицо пошло пятнами, то ли от вина, то ли от волнения, и она заговорила быстро, словно боясь, что дочь встанет и уйдет, пожав плечами. – Ведь мы на улице познакомились, совсем недавно, я понимаю, в это поверить трудно... Он инженер-строитель, на Манежной работает, его специально из Тбилиси пригласили как специалиста особого, это с сейсмичностью связано, он уже год в Москве. Он на стройплощадке чем-то руку повредил, ничего серьезного, но кровь была, и он как раз в медпункт пошел, а там никого, а я проходила мимо и вот вижу – идет мужчина, а из руки кровь сочится, и я, конечно, предложила оказать помощь...

Мама говорила быстро, в одно предложение, и смотрела растерянно, даже как-то испуганно, словно не могла поверить, что все это действительно вот так и произошло, с ней произошло, что Реваз Аркадьевич – не фантом и только что был здесь, принес вино, настоящее грузинское, не пойло из московского киоска...

– По-моему, он в тебя по-настоящему влюблен, – повторила Аля. – Мамуля, я очень рада.

– Правда?

Инна Геннадьевна смотрела на дочь все тем же растерянным взглядом.

– Ну конечно! – заверила Аля.

– По-моему, со мной не было так даже в молодости, – тихо сказала мама.

Резав Аркадьевич действительно уехал в конце мая, но уже в июне Инна Геннадьевна взяла отпуск и отправилась в Тбилиси – после его ежедневных звонков и нескольких писем. Осенью он приехал снова, потом почему-то уехал опять, хотя они, кажется, не ссорились.

Аля видела, что мать думает только о нем, и даже тревожилась за нее, старательно отгоняя назойливые дуновения ревности. Конечно, Резо милейший человек, умный, веселый и маму, похоже, действительно любит. И все-таки – уж очень это все неожиданно...

Она почти не удивилась, когда мама сказала однажды:

– Алинька, я, знаешь, может быть, уеду...

– Куда? – на всякий случай спросила Аля, хотя это и так было понятно.

– В Тбилиси. Только ты не возражай, не возмущайся сразу! – воскликнула Инна Геннадьевна, хотя Аля вовсе не собиралась возмущаться. – Он не может жить в Москве, понимаешь? Хотя и работа хорошая, и Россию он любит. Но

он чувствует себя здесь как в эмиграции, и я его понимаю. Ведь там совсем другая жизнь, я сама в этом убедилась. Отношения между людьми другие, ритм другой – все другое. Да еще этот кошмар с лицами кавказской национальности! Каково интеллигентному человеку в его возрасте на каждом шагу предъявлять документы и доказывать малограмотным милиционерам, что он не бандит? Он чувствует себя здесь человеком второго сорта, и мне нечего ему возразить.

– Но как же... – начала было Аля.

– Я буду часто приезжать! – горячо произнесла мама. – Мы вместе будем приезжать, ты не будешь чувствовать себя покинутой!

– Да нет, я не о том, – улыбнулась она. – Конечно, не буду. Но... ты-то москвичка коренная, и вдруг – Тбилиси. Вот именно, что совсем другая жизнь...

– А что я могу сделать? – опустив глаза, произнесла мама. – Я его люблю. Может быть, я привыкну...

Так он и произошел – еще один жизненный поворот, в результате которого Аля осталась одна в квартире и в каждом дне своей жизни.

Она почувствовала свое одиночество сразу, хотя, казалось бы, не так уж много времени проводила дома и до, и после маминого отъезда, – в основном пропадала в институте, особенно на старших курсах, когда репетиции стали интенсивнее. Но что-то изменилось, словно надломилось, в окружаю-

щем мире, и не почувствовать этого было невозможно.

Она впервые оказалась один на один с жизнью, со всем ее мощным, разрушительным напором.

Глядя на то, как стремительно переменилась мамина судьба, Аля совершенно отчетливо поняла: ничто в жизни не предопределено заранее, ничего нельзя предсказать наверняка. И если ты родилась умненькой и хорошенькой девочкой в крепкой и доброй семье – это совсем не значит, что ты хоть сколько-нибудь застрахована от того, например, чтобы спиться, стать наркоманкой, проституткой, да просто по ветру развеять жизнь, не стать в ней никем, впустую растратить свою душу и остаться в полном одиночестве.

Догадайся Аля об этом несколько лет назад – неизвестно, как она повела бы себя, в какую бездну отчаяния завела бы ее такая догадка. Но год, проведенный с Ильей в пестрой и тусклой суете богемной тусовки... Этого было не вычеркнуть из жизни. Этот опыт не прошел для нее напрасно, и, пройдя через него, Аля чувствовала себя закаленной как сталь.

Она вдруг вспомнила, как сидела, заплаканная, на полу в ванной, в загородном особняке Илюшиного приятеля – растерянная, совершенно запутавшаяся в странных, искаженных человеческих отношениях, – а Венька Есаулов утешал ее, вытирал потеки туши на мокрых щеках и говорил: «Трудно с тобой говорить, Сашенька, ничего тобой еще не прожито...» – и улыбался с тоской в блестящих «индейских» гла-

зах.

Это было запретное воспоминание. Аля могла спокойно думать обо всем, что произошло с нею за тот год, – только не о Венке. Сразу вспоминались его глаза в последний вечер перед смертью и собственная трусливая мыслишка: а зачем мне за ним идти, он же меня не звал, мы же с ним друг другу никто, мало ли, показалось...

Теперь ею уже было прожито достаточно, чтобы понимать, как жизнь ломает человека. И чтобы не сломаться самой.

Но в первую очередь надо было подумать не о смутных чувствах, а о самом простом – о деньгах. Хоть мама и уверяла, что будет присылать деньги, и Резо был полон великодушия, Аля прекрасно понимала, что мамин тбилисский заработок в долларах будет выражаться двузначной цифрой. Если еще будет...

Отец тоже что-то давал, но брать у него было и вовсе стыдно. Аля знала, что они с женой выбиваются из сил, проектируют какие-то левые заказы, зарабатывая хоть на какую-нибудь квартиру. Как ни относиться к его уходу и к его новой жене, но к пятидесяти годам человек должен иметь свою крышу над головой, и невозможно отдалять для него эту цель.

Необременительная подработка в лицее к новой жизненной ситуации явно не подходила. Да и похоже было, что юные дарования недолго будут тратить время и деньги на сценическую пластику.

Тогда Аля и вспомнила тот вечерний разговор с Линкой и уже через неделю впервые пришла в ночной клуб «Терра инкогнита».

Глава 3

Ночь с пятницы на субботу выдалась просто сумасшедшая.

В «Терре» недавно сократили посудоуборщиц, и официантки теперь пожинали плоды директорской экономии.

– Вот суки! – возмущалась Ритка. – Побегали б сами за этими стаканами проклятыми, я ж их чуть не из рук у мыдлонов выхватываю, да Ксюха орет еще!

Действительно – убирать грязные стаканы, приносить барменам чистые, которых вечно не хватает, обслуживать клиентов, караулить, чтобы не слиняли, вытряхивать пепельницы, следить, чтобы не очень воровали эти чертовы пепельницы, подавать счет... Это была работа на износ, после нескольких часов которой ноги и голова гудели одинаково.

– Ты хоть не обсчитываешь! – привела решающий аргумент Ритка. – А мне каково крититься?

Але иногда казалось, что она не обсчитывает мыдлонов только потому, что не успевает. Как-то очень быстро смещались здесь все понятия, словно верх и низ менялись местами.

– Ну вы, девушка, даете! – возмутился мужчина за столиком у самой танцплощадки. – Я джин-тоник один к трем просил, а вы мне три стакана чистого джина принесли! Что ж я, лошадь, столько выхлебать? К тому же я за рулем, кто домой доставлять будет?

– Извините. – Аля впервые взглянула на клиента, хотя только что приняла от него заказ и принесла из бара джин. – Я перепутала, сейчас лишние заберу.

– Да ладно, – смягчился тот. – Давайте три, чего там, небось не помру. Может, выпьете за компанию? – подмигнул он. – Раз лишнее оказалось?

– Мне еще до утра работать, – покачала головой Аля. – Два часа ночи всего.

Что сейчас было бы в самый раз – так это именно выпить джина с тоником, правильно он догадался. Это был любимый Алин напиток, ей нравился его можжевелевый запах и воздушный хмель. Да и мыдлон выглядел вполне прилично – по крайней мере не был похож на бандита. Лет ему было не больше тридцати, лицо у него было круглое – пожалуй, слишком круглое, но таким оно быстро становится у всех «новых русских» от передвижения в машинах и питания в ресторанах.

«И сам, наверное, толстый, – мимолетно подумала Аля. – И голова вся в бриолине».

Но живые угольно-черные глаза поблескивали на круглом лице клиента ярче, чем набриолиненные волосы.

– Жалко, – сказал он. – За компанию оно б веселее.

– Девушка, когда заказ принесете? – раздалось из-за дальнего столика.

– Можно подумать, вам здесь выпить не с кем, – бросила Аля и, забыв про набриолиненного мыдлона, устремилась к

другому столику. – Когда готов будет! – на всякий случай огрызнулась она на ходу, вспоминая, что заказ сделан уже давно и наверняка готов.

Впрочем, компания за этим столиком была не из опасных: скорее всего, студенты, решившие гульнуть на подработанные деньги. Сидели эти трое парней не шумно и о заказанном мясе спрашивали не нагло.

Мясо, конечно, было не просто готово, а давно готово; Аля принесла его остывшим, порадовавшись про себя неприязнительности студентов и мгновенно забыв о них.

Ей и без них было кем заняться! В ночь с пятницы на субботу «Терра» гремела, сверкала, плясала и орала, как ни в какой другой день. И обслуживать клиентов надо было в этом же ритме – бешеном, стремительном, изматывающем.

Ей еще повезло, что недавно явившаяся «крыша» досталась на этот раз Ритке. За столиком в глубине зала, поближе к бильярду, сидели двое, приходившие в «Терру» с завидной регулярностью каждую пятницу. С такой же завидной регулярностью они меняли спутниц, каждый раз приводя новых.

Когда три месяца назад Аля увидела их впервые, ей и в голову не пришло, кого она обслуживает. Сидели себе два мужичка, один совсем обыкновенный, приземистый, стриженный почти как браток, а второй даже более приличный – во всяком случае, одетый с претензией на вкус в неброский костюм от Армани. Одним словом, выглядели они, как боль-

шинство посетителей клуба, которые на вопрос о том, чем они занимаются, коротко отвечали: «Делаю деньги».

Аля даже решила, что от этих могут перепасть неплохие чаевые: обычно такие мыдлоны любили после третьей порции текилы излить душу официанточке и даже готовы были за это заплатить. Но обильно евшая и пившая парочка душу изливать не собиралась, а на принесенный Алей счет отреагировала ухмылками.

– Нас тут все знают, – объяснил браткообразный. – Кого хочешь спроси, усвоила?

Странные мыдлоны поднялись и вышли, не расплатившись, а к Але подошла Ксения.

– Ну что ты, Алюся? – проговорила она голосом пантеры Багиры и сверкнула узкими зелеными глазами. – Это ж «крыша» наша, что ты, ей-богу, как младенец?

Аля даже покраснела от возмущения.

– Не могла сказать? – Она почувствовала, что глаза у нее тоже сузились. – Нравится дурой меня выставить?

– Не дурой выставить, а поучить, – спокойно возразила Ксения. – Я же без зла. Что «крыша», что налоговые – те и другие бесплатно жрут, запоминай.

Урок был не жестокий, но противный. И вот сегодня те же двое сидели за тем же столиком и так же невозмутимо поглощали самые дорогие блюда и напитки. Удивляться приходилось только их новым спутницам – вернее, неизменности их выбора: ни разу они не привели с собой женщин, хоть

немного похожих на шлюх. Вот и на этот раз за столиком сидели интеллигентные, милые девочки – наверняка студенточки – и поглядывали на своих спутников с живым интересом, и улыбались, и смеялись... Але так и хотелось бросить на ходу: «Девчонки, что ж вы, это же обыкновенные бандиты!»»

Неизвестно было только, как повели бы себя девочки при таком известии. А может быть, они и так прекрасно об этом знали.

Когда Аля пришла в «Терру» впервые, ее смущало только одно: удастся ли сохранить невозмутимость, встретившись с какими-нибудь старыми знакомыми «по разные стороны баррикад»?

Она не понаслышке знала ночную, тусовочную жизнь Москвы. Во всей этой шумной круговерти не было ничего, что могло бы ее привлечь. Не зря она за все время учебы в ГИТИСе не сходила ни на одну дискотеку, ни в один ночной клуб, вызывая недоумение однокурсников.

Аля не собиралась больше украшать собою богемно-бизнесменские компании, как когда-то говорил Илья. Но ведь и не предполагала, что придется принимать во всем этом участие в качестве официантки...

Хорошо еще, что «Терра инкогнита» была клубом средней руки, к тому же сравнительно новым, поэтому здесь не приходилось ожидать встречи с Ильей. Что мелькнет в его

прозрачных глазах, если он увидит Алю, бегающую с подносом между столиками? Не дай бог, сочувствие или торжество!..

Все остальные взгляды и мнения были ей в общем-то безразличны. Да и не было ничего особенного в том, что студентка ГИТИСа подрабатывает официанткой: это был едва ли не самый распространенный вид заработка не только среди студенток, но и среди молодых актрис.

Правда, к Але отношение могло быть особое. Кто-нибудь из прежних знакомых непременно покрутит пальцем у виска, увидев ее во второразрядном клубе и вспомнив, кем она могла быть, если бы не дурацкие амбиции.

Первой знакомой, которую довелось встретить в «Терре», оказалась Нателла.

Вообще-то Аля уже и забыть ее успела, таким недолгим и давнишним было их знакомство. Она и фамилию ее не могла вспомнить... Да и трудно было узнать в увядшей, тщетно пытающейся выглядеть привлекательной женщине прежнюю Нателлу, с ее вызывающей эффектностью. В той красивой певичке, как метеор мелькнувшей на Алином горизонте, даже пороки казались привлекательными: будоражил душу чуть надтреснутый голос, притягивал взгляды хмельной румянец и блеск в глазах...

Теперь пороки перешли ту черту, за которой их вид вызывает жалость и неловкость.

Аля узнала ее по голосу – вернее, по остаткам прежнего

голоса, разбитости которого не могла скрыть плохая аппаратура очередной попсовой группы. Нателла пела по очереди с еще одним солистом, совсем мальчишкой, голос которого был изначально безнадежен. Дело было в понедельник, когда в «Терру» приглашались самые зашудалые исполнители.

Когда она отдыхала перед следующей песней, даже изда-лека было видно, как застыло смотрят в одну точку ее большие черные глаза.

Когда программа наконец кончилась, Аля сама подошла к Нателле, думая, что придется долго напоминать, кто она и где они виделись. Но, к ее удивлению, та узнала ее сразу – и обрадовалась так, как будто встретила родственницу или лучшую подругу.

– Ну конечно, не забыла! – воскликнула Нателла, спрыгивая с невысокой эстрады. – А я думала, куда это ты исчезла? Это сколько лет уже прошло?

По тому, как она покачнулась, спрыгнув с высоты полу-метра, по судорожно-вялому движению, которым попыталась удержать равновесие, Аля поняла, что жизнь этой когда-то очаровательной певички изменилась необратимо.

«Прав был Илья, – подумала она. – Не стоило связываться... Ее и трезвой-то не застанешь».

Илья всегда бывал прав. И тогда, когда отказался раскручивать многообещающую Нателлу, несмотря на ее голос, выигрышную внешность и победу в престижном конкурсе. И когда сказал Веньке, что больше не будет давать ему деньги

и пусть сам выпутывается из своих проблем... Он всегда был прав, но именно благодаря ему Аля на всю жизнь возненавидела само понятие справедливости.

– Три года прошло, – ответила она. – Как твои дела?

Ей не хотелось Нателлиных вопросов, и она поспешила их предупредить своим.

– А разве не видно? – усмехнулась та. – По-моему, все ясно.

– Д-да... – проямлила Аля, не ожидавшая такого прямого ответа. – Напарник твой... не очень-то.

– Да и я не лучше. Это я еще подлечилась недавно, пока держусь более-менее, по крайней мере не на игле. Все-таки живой хмель полегче! А ты работаешь здесь?

Аля не успела ответить. Какой-то мыдлон с маслеными глазками подошел к Нателле, по-хозяйски взял за локоть, и она послушно пошла за ним к бару, рядом с которым расположилась пьяная компания. Тут Алю окликнули из-за столика, и она не успела даже понять, знакомый ли так бесцеремонно подозвал Нателлу, или она идет теперь ко всякому, кто предъявит на нее права.

Лучше было об этом не думать.

Аля удивилась, когда Нателла снова появилась в зале – уже под утро, перед самым закрытием.

Официантки собирали посуду, охранники тормозили пьяного клиента, мешком обвисшего на стуле, потом плюнули и оставили его отсыпаться.

– Случилось что-нибудь? – спросила Аля, увидев Нателлу, идущую к ней через пустой зал.

– Да так... Выпить еще захотелось, а папики уже отрубались. Нальешь?

До тоски знакомым духом повеяло от этих слов и от собачьего выражения в ее глазах! Той жизнью, от которой Аля отшатнулась, как от страшного омута.

– Налью, – кивнула она. – Что пить будешь?

– Да водки, чего там рассусоливать. Выпьешь со мной?

Аля принесла из бара белого вина себе и водки Нателле, и они сели за столик в углу.

– А ты, значит, официанткой, – повторила Нателла. – Я вообще-то слышала, что вы с Илюшей разбежались. А его-то что ж не видно?

– Он, наверное, в Америке еще, – секунду помедлив, ответила Аля. – Ему мать контракт устроила, она же там давно. Он фильм, кажется, какой-то снимал или клипы... Не знаю точно.

– Ну и хер с ним, – подытожила Нателла. – Пошли бы они все! Ты, Алька, о нем не жалеяй, все они говно.

– Кто это – все? – улыбнулась Аля.

– Да мужики наши, кто еще. – Она даже ладонью пристукнула по столу для убедительности. – Ведь не на кого взгляд кинуть, разве нет? Все говно, пальцем ткни – завоняют. А который поприличнее – тот, пожалуйста, голубой. Не-ет... – Она пьяно покачала головой, залпом допила водку. – По мне,

так я бы с ними не то что в койку – на одном поле не села бы... Хоть он там продюсер, хоть звезда, хоть кто. Смотреть не на что, а строят из себя – куда там! Уж лучше найти себе папика, и все дела. Ты даешь, он платит, все честно, все довольны, и без этих штучек про любовь да про совместное творчество. Что, не так разве?

– Так, – ответила Аля, чтобы не углубляться в эту тему. – И что, нашла?

– Да где ж его найдешь? – невесело усмехнулась Нателла. – Они ж импотенты все, бизнесмены-то, им только бабки срубить да нажраться поскорее – зачем им женщина? А если не импотент, так у него жена-юристка и любовница-моделька. Слушай, – вдруг словно вспомнила она, – а у тебя тут никого нет на примете? В смысле, для меня? Я без претензий, как кошка, ей-богу!

Она ухмыльнулась так криво и так судорожно сглотнула, что Але стало противно, несмотря на жалость.

– Да я только что устроилась, – ответила она. – Еще не знаю никого. Я в ГИТИСе вообще-то учусь, – зачем-то добавила она.

– Ну, если что появится перспективное – звони, – сказала Нателла, пропустив мимо ушей ГИТИС. – Я в Чертанове квартиру снимаю.

Она записала на салфетке свой телефон и, на всякий случай еще раз опрокинув пустую рюмку, встала из-за стола.

Глядя, как идет она к выходу нетвердой походкой, Аля

вздрыгнула. На мгновение ей показалось, что прежняя жизнь, почти забытая за эти годы, снова берет над нею власть.

Сумасшедшая ночь заканчивалась в пятницу позже, чем обычно. Аля уже предвкушала тот долгожданный миг, когда она доберется наконец до дому, примет душ, упадет в кровать и будет спать почти до вечера. Вечером в Учебном театре ГИТИСа шел карталовский спектакль по Мольеру, но она была занята только в эпизоде, так что можно было особенно не волноваться.

До самого вечера ей предстояли только мелкие радости, но, поработав ночной официанткой, Аля научилась ценить и их.

Картина ближайших десяти часов выстроилась в ее мозгу так отчетливо, что разрушить ее могло бы разве что землетрясение. Она наблюдала, как постепенно пустеет зал, и считала минуты.

Давно уже ушла компания студентов, вогнав ее напоследок в краску: расплачиваясь, парень дал вполне приличные чаевые. Аля вспомнила, как принесла им холодное мясо, да и то после напоминания, как не торопилась высыпать окурки из пепельницы...

– Не надо, ребята, зачем? – пробормотала она. – Я вообще-то не очень вами занималась...

– Да ладно, девушка, мы же понимаем, – успокоил вто-

рой, в очках с сильными стеклами. – Вам сегодня круто пришлось.

«А этот, набриолиненный, ни копейки небось не даст! – со злостью то ли на мыдлона, то ли на себя подумала Аля. – Нажрался как свинья, не отвалит никак!»

Клиент, которому она в самом начале вечера принесла три джина, к утру действительно имел плачевный вид. Правда, он не падал лицом в тарелку, но трудно было представить, как он будет добираться до дому. Головой он опирался на руку, голова то и дело соскальзывала с его сжатого кулака, и даже тщательно уложенные волосы теперь выглядели растрепанными.

– Д-девушка! – позвал он, хлопая себя по карманам в поисках бумажника. – Девушка, давай счет...

Стоя над ним, Аля ждала, пока он выудит из бумажника купюры, и почти с ненавистью смотрела на его лысеющую макушку.

– Эт-ти, что ли? – произнес он, наконец справившись с собственным бумажником. – Отсчитай, сколько там, и себе... Тебя как зовут?

– Какая разница? – поморщилась Аля. – Ну, Александра, все равно ты через пять минут забудешь.

Но особенно хамить не хотелось: все-таки чаевые он дал, а что напился – так ведь не наблевал, и на том спасибо.

– С-слушай, Саш-ша, как же я домой-то доберусь? – пробормотал он вопросительно. – Я ж за рулем?..

– А я при чем? – пожала плечами Аля.

– Ну, все-таки... Ты ж мне тройной джин принесла вместо один к трем, вот и покатилося, а я вообще-то просто так заскочил, на полчаса. Как я теперь отсюда выберусь?

– Не знаю, – сказала Аля, отходя от столика. – Твои проблемы.

Но все-таки ей стало неловко. Ведь действительно: она перепутала заказ, принесла ему тройной джин, и, выходит, из-за нее он завелся. Но что ж теперь? Самое большое, что она может для него сделать, – попросить ребят из охраны, чтобы дали ему отоспаться. Это было обычным делом: если охранники видели, что мыдлон безвредно спит за столиком, и обнаруживали при этом, что деньги он просадил до рубля и на тачку не осталось, – они вполне могли его не трогать, пока он не проявит первые признаки жизни.

Аля уже собиралась предложить ему этот вариант и поскорей отправиться к барной стойке с выручкой за спиртное, когда он снова обратился к ней:

– Слышь, а ты машину случайно не водишь? А то б добросила до дому.

– Вот нахал! – возмутилась было Аля.

И тут же представила вдруг, что садится за руль...

Она три года не водила машину и даже как-то не думала об этом. И надо же – при словах какого-то пьяного мыдлона у нее прямо зубы свело от желания и в самом деле сесть за руль, проехать по пустынным утренним улицам, ощутить,

как машина слушается каждого ее движения...

Когда Илья учил ее водить, она и предположить не могла, как понравится ей это нехитрое занятие! И только научившись делать это легко, без напряжения, Аля с удивлением поняла, что проведенные за рулем часы стали едва ли не лучшими в ее тогдашней жизни.

Ей нравилось собственное одиночество, когда она ехала по вечернему городу и ветер врывался в приоткрытое окно кабины, нравились ясные и мимолетные образы, с которыми она оставалась наедине, нравилось произносить какие-то невообразимые монологи, которых никто не услышит...

Сейчас Аля думала, что именно тогда чувствовала себя актрисой. А может быть, все было проще: в ее отношениях с Ильей уже произошел надлом, и ей все меньше хотелось оставаться с ним наедине.

– Ты ключи-то хоть не потерял? – неожиданно для себя спросила она.

– Вот, – с готовностью ответил мыдлон, звеня в кармане ключами. – А что, правда, подбросишь?

Кажется, он даже протрезвел слегка.

– Сиди уж, жди, – ответила Аля. – В самом деле ведь виновата. Споила, можно сказать, трезвенника!

– Меня Рома зовут, – представился он, когда они оказались на улице, хотя Аля даже не спросила его имени. – А тачка – во-он она.

Аля ожидала увидеть «Жигули» или подержанный «Фольксваген»: мылдон не производил впечатления особо крутого товарища. И на бандита не был похож, так что какого-нибудь навороченного джипа или «БМВ» тоже ожидать не приходилось. Поэтому она удивилась, увидев припаркованную рядом со входом темно-зеленую «Вольво». Слишком уж хороша была машина для этого размякшего типа.

– А ты не перепутал? – недоверчиво спросила она. – Может, твою угнали уже?

– Сплюнь, – обиделся Рома. – Что я, по-твоему, совсем лох?

– Ладно, крутизна, садись, – улыбнулась Аля, открывая водительскую дверцу. – Куда едем?

– Домой, – ответил он, плюхаясь на переднее сидение. – На Удальцова. Знаешь где?

– Поищу, – отмахнулась от него Аля.

Ей было так хорошо, так легко – совсем не до него! Она снова чувствовала себя в том блаженном одиночестве посреди Москвы, которое так любила когда-то. Весь город раскинулся перед нею, полный счастливого ожидания, ей хотелось кануть в эти огромные объятия, в ее власти было выбрать, куда отправиться... Даже жаль, что улица Удальцова недалеко!

Она поехала вдоль набережной к Киевскому вокзалу. Ро-му сразу развезло от тепла печки и от мерного движения, он уткнулся носом в воротник фиолетового кашемирового

пальто и задремал; его присутствие было совершенно неощутимо. И Аля с удовольствием чувствовала, как слушается руля легкая «вольвушка», как несется она по пустой набережной, лихо разбрызгивая коричневую грязь.

Ей хотелось продлить это удовольствие, и она поехала медленнее – глядя, как вырастает впереди серая громада МИДа. Чтобы удлинить дорогу, она проехала мимо Новодевичьего монастыря, подумав мимоходом, что почему-то ни разу не удосужилась погулять здесь, хотя когда-то, еще во время школьной экскурсии, ей очень понравилась эта тихая местность – Пироговские улицы, памятники врачам в скверах перед институтскими клиниками...

Первые торговцы уже парковали машины, выгружали товар возле рынка в Лужниках, и Аля поспешила проехать дальше: ей нравилась ранняя утренняя пустота Москвы, даже ноябрьская мокрая мгла не портила впечатления.

Еще одна высотка – университет – показалась впереди. Она была совсем не похожа на МИД; вся Москва была не похожа на себя, и вся Москва была прекрасна.

– Проснись, эй, подъезжаем. – Притормозив уже на Мичурином проспекте, Аля толкнула своего незадачливого спутника. – Куда по Удальцова-то ехать?

Она с трудом добудилась чертова Рому, даже остановиться пришлось у обочины, чтобы добиться, где он живет.

Жил он в самом начале улицы Удальцова. Не меньше, чем «вольвушке», Аля удивилась респектабельности стоя-

щего немного на отшибе многоэтажного дома из желтого кирпича.

«Откуда что берется? – мимоходом подумала она. – Ну и времечко!»

Впрочем, особенно удивляться не приходилось: почти вся ее сознательная жизнь прошла в этом самом времечке, и она привыкла спокойно встречать его замысловатые повороты.

– Все, командир, приехали, – сказала она, с сожалением притормаживая у подъезда.

«Командир» уже успел задремать снова.

– Вот что, – рассердилась Аля, – прислуга я тебе, что ли? Держи ключи и будь здоров! Проспишься – сам вылезешь.

– погоди, п-постой!.. – Наверное, его разбудили не столько ее слова, сколько сердитые интонации. – Как тебя... С-саша... Ты хоть п-подымись ко мне, что ли... Куда ты, а?

– «П-подымись, С-саша!» – передразнила она. – Сам ты С-саша! Лужицу не надо за тобой подтереть?

Сердиться, конечно, следовало только на себя.

«Ну, не дура? – подумала Аля, громко хлопая дверцей. – Куда поехала, зачем? На машинке захотелось покататься! Вот и пили теперь через весь город. Идиот этот пьяный даже денег на такси не удосужился выдать! Да что им, они о таких мелочах и не думают, привыкли к обслуге!»

Вместо спокойного сна в своей кровати теперь предстояло добираться с Юго-Запада на Северо-Запад. И такси было не взять. Деньги, так неприлично заработанные сегодня

на безропотных студентах, надо было срочно вернуть Линке, которой Аля уже неделю была должна.

Она пошла по темной улице, сердясь на себя, чувствуя, что протекают сапоги, что волосы снова мокнут от незаметно пошедшего снега... Потом представила, как открывает дверь, входит в пустую квартиру – и неожиданно заплакала.

Глава 4

Между занятиями сценической пластикой и читкой новой пьесы, назначенной Карталовым на шесть вечера, промежутков было ровно сорок минут. За это время можно было добраться от ГИТИСа до Подколокольного переулка, где находился карталовский театр, и не отойти от того состояния, в котором Аля всегда находилась после занятий с Иовенко.

Вообще-то сценическая пластика – это было привычно, ею занимались с первого курса, и Аля всегда любила ее больше других дисциплин. Но только теперь, перед самым окончанием института, с карталовскими студентами начал заниматься Георгий Иовенко – тот самый, что работал с лучшими актерами и режиссерами, имя которого в театральной и киношной среде произносили с придыханием. Неизвестно, как удалось Карталову уговорить мастера, каждый час работы которого был драгоценен. Впрочем, Павел Матвеевич умел совершать невозможное, когда это было жизненно необходимо.

В том, что заниматься с Иовенко жизненно необходимо, Аля поняла на первом же занятии. Это было что-то совершенно особенное, никогда ею прежде не виданное. А ведь она считалась лучшей по сценпластике и сама была уверена, что прекрасно владеет своим телом, умеет движением выразить любое чувство.

Она и с Ильей так познакомилась: он шел по коридору ГИТИСа, а она сидела на подоконнике, ожидая результатов первого тура, и все ее тело выражало полное отчаяние... Он сам сказал ей в первую их ночь: «Вот здесь оно у тебя даже было, отчаяние!» – засмеялся и поцеловал ямочку на сгибе ее локтя.

Иовенко перевернул все ее представления о собственных возможностях. Аля вдруг поняла, что не умеет ничего, и вместе с тем – что в ней скрыты силы, которых она в себе даже не предполагала.

Она вспомнила, как на первом же занятии он ошеломил ее предложением сыграть Отелло.

– Но почему Отелло? – поразились тогда Аля.

– А почему бы и нет? – Иовенко смотрел на нее с недоумением, словно не понимая, что же странного можно усмотреть в его идее; он был похож на стрекозу – гибкий, с огромными выпуклыми глазами. – Сара Бернар играла ведь Гамлета. А вас я прошу: постарайтесь найти то движение, из которого для вас вырастет вся роль, понимаете?

И вот она бежала по Солянке к Подколокольному переулку – к Театру на Хитровке, который в ГИТИСе часто называли «У Карталова на куличках». Так уж это место называлось – Хитровка, Кулижки, – поэтому возможностей для подшучивания было достаточно. Актеров, например, в глаза и за глаза называли хитрованцами и при случае спрашивали, когда же они возьмутся за «На дне» – по месту, так сказать,

обитания.

Район был старый, странный и, наверное, красивый, но рассмотреть его получше вечно было некогда. Аля пробежала мимо башни Ивановского монастыря, мимо церкви Владимира в Старых Садах, мимо Опекунского совета и не всегда могла вспомнить, как это все называется, хотя на зданиях висели мемориальные доски.

Сегодня Карталов впервые пригласил ее на читку пьесы в своем театре, и все ее мысли были только об этом.

Алю давно смущало: почему Карталов ограничивает ее ролями в студенческих спектаклях и не дает сыграть даже самого маленького эпизода у себя, в профессиональном театре? Ведь, кажется, она его любимая ученица... Никогда не поймешь, что у него на уме, какое чувство поблескивает в его глазах под густыми бровями – одобрение или недовольство.

С улицы здание театра казалось таким маленьким, что непонятно было: где там вообще может поместиться зрительный зал? Но, наверное, архитектор начала века, имя которого Аля забыла, владел секретом пространства. Несмотря на постоянные перестройки, в доме на Хитровке за последние семьдесят лет размещалось все, от бесчисленных контор до кинотеатра, – сохранился и зал, и довольно просторное фойе, нашлось место для мастерских, гримерных и репетиционных комнат.

Актеры уже собрались в репетиционной; Аля едва не

опоздала. Все на их курсе знали, что хитрованцы настороженно относятся к нынешним карталовским студентам, без пяти минут выпускникам. В этом не было ничего удивительного: вся труппа состояла из прошлого выпуска Павла Матвеевича в ГИТИСе, и молодые актеры хорошо представляли, какой недолгой может быть с его помощью дорога от безвестных выпускников театрального вуза до обласканных вниманием прессы новых звезд. А недавний триумф хитрованцев на престижном театральном фестивале в Авиньоне только подтвердил это.

Конечно, как им было не относиться с настороженностью к новым выпускникам – потенциальным конкурентам!

Все это Аля знала и поэтому не слишком обольщалась радостными приветствиями, которыми ее встретили хитрованцы. Едва ли кто-нибудь действительно был ей здесь рад...

Карталов вошел через две минуты после нее. Она почувствовала, как привычно вздрогнуло сердце, когда он показался в дверях, прошел, прихрамывая, на свое место во главе длинного стола.

Наверное, мало у какой счастливой возлюбленной так вздрагивало сердце при виде любимого, как у нее при виде этого удивительного человека, одно появление которого обещало праздник!

Наполненность жизнью, которую она почувствовала в нем с первого дня, которая сразу поразила ее в немолодом, усталом и вместе с тем совершенно юном человеке, никуда не

исчезла и теперь. И теперь ей, словно впервые, показалось, что горячая волна покатила от него по комнате, подхватив и ее, Алю.

– Итак, «Сонечка и Казанова», – сказал Карталов. – По Цветаевской «Повести о Сонечке», по ее пьесам, эссе, дневникам и письмам. Моя композиция, как вы догадываетесь.

К Алиному удивлению, он не стал ничего рассказывать о пьесе – просто начал читать. А в ГИТИСе Карталов всегда начинал с рассказа – о пьесе, или об авторе, или о том, каким видит спектакль, или обо всем этом вместе. Здесь все было иначе, и Аля слегка растерялась...

Голос у него был глуховатый, но наполненный таким множеством интонаций, что, пожалуй, он мог бы и не говорить, кому из героев принадлежат реплики: это и так было понятно.

Это была пьеса о любви – конечно, о любви, несомненно! Аля одного не могла понять: почему же пьеса о любви вызывает у нее такую растерянность? Она словно в бездну какую-то заглядывала, вслушиваясь в карталовский голос, произносящий слова Марины, ее подруги Сонечки, Казановы, влюбленной в него девочки Франциски, – и ей становилось страшно.

«Зачем он меня позвал? – мелькнуло у нее в голове, пока он переворачивал страницу. – Я ничего не понимаю, это слишком сложно для меня! Кого же я могу здесь играть?»

Вся самоуверенность, с которой она шла на первую свою

читку в театре, улетучилась как утренний туман. Але вдруг показалось, что она не умеет абсолютно ничего... Как играть стихи, да еще эти, цветаевские, которые и просто прочитать нелегко?

Она незаметно поглядывала на сидящую рядом премьершу Нину Вербицкую. Неужели той все понятно, неужели она не испытывает и тени страха перед глубиной и сложностью этих чувств?

Но Нина сидела совершенно неподвижно, и ее выразительный, неправильный профиль выглядел как отчеканенный на римской монете. Руки с длинными гибкими пальцами тоже неподвижно лежали на столе. Только трепетала от дыхания пышная рыжая челка над высоким лбом.

Аля физически ощутила Нинину нацеленную сосредоточенность: та словно порами кожи впитывала в себя каждое слово Карталова. Ей предстояло играть главную роль, она это знала и готовилась к этому уже сейчас, впервые слушая пьесу. Можно было только позавидовать ее умению вот так, сразу, собрать все силы, пропитаться каждым словом и чувством режиссера...

Но Аля даже и позавидовать сейчас не могла – так она растерялась. Она едва улавливала смысл пьесы, пробиваясь к нему сквозь порывистые, мучительные цветаевские монологи, и даже обрадовалась, когда читка была окончена.

Она вздрогнула от неожиданности, услышав голос Карта-

лова:

– Алечка, задержиись на минуту.

Все актеры уже вышли из репетиционной, а он продолжал сидеть. Прежде чем обернуться к нему, Аля увидела, как напруглась спина Нины Вербицкой, замешкавшейся в дверях.

– Ты поняла, зачем я тебя позвал? – спросил Карталов, когда Аля вернулась к длинному столу.

– По правде говоря, не очень, Павел Матвеевич, – вздохнула она. – Мне было страшноовато.

Улыбка мелькнула в его глубоко, как у Льва Толстого, посаженных глазах. Но он не улыбнулся, а спокойно произнес:

– Я хочу, чтобы ты сыграла Марину.

Если бы Аля не сидела в этот момент, а стояла, то ноги у нее наверняка подкосились бы от его слов. Конечно, она пыталась представить, кого могла бы сыграть. В спектакле должно быть занято много актеров, они будут танцевать, конечно, это она сможет... Но Марину!

– Но... как это, Павел Матвеевич? – растерянно произнесла она. – Я – Марину? Да я, честно говоря, не поняла почти ничего!

Последние слова вырвались у нее непроизвольно, от растерянности. Карталов засмеялся.

– Ну и хорошо, – сказал он. – Не поняла – и отлично!

– Что ж хорошего? – Аля сама невольню улыбнулась в ответ на его заразительный смех, хотя ей было стыдно за себя. – Сидела же, слушала как все...

– А по-твоему, я бы обрадовался, если б ты мне бодренько отрапортовала: все понятно, шеф, бу сделано? – поинтересовался он. – Мне кажется, ты должна понять. И воли у тебя должно хватить. Если я сам правильно тебя понял за эти годы.

Его слова не были похвалой, но они были Але приятны. Карталов вообще умел простые вещи говорить так, что они звучали необыкновенно.

– Но я... Я ведь вообще-то не очень стихи Цветаевой люблю, – сказала она. – То есть просто не очень понимаю. И как их читать, как играть? Я не чувствую...

– Вот этим мы с тобой и займемся, – ответил он. – Что ж, Алечка, я тебя оповестил – и больше пока не задерживаю. Размышляй!

В глазах его снова мелькнула усмешка.

«Хорошо ему смеяться! – подумала Аля. – А я теперь ночь спать не буду... Это тебе не две реплики в водевиле – главная роль в трагедии!»

– А Нина? – вдруг вспомнила она, уже поднявшись из-за стола. – Я ведь думала, что она будет Марину играть.

– Нина и так занята во всем репертуаре, – с прежней невозмутимостью ответил Карталов. – Или ты ее ревности боишься?

Аля только пробормотала в ответ что-то невнятное и, торопливо простившись, вышла из репетиционной.

На нее словно лавина обрушилась. Играть в его театре –

единственной со всего курса! – да еще главную роль, да еще ту, которую наверняка готовилась играть Вербицкая... Было от чего испугаться!

Было от чего испугаться – но ведь было и чему обрадоваться! Аля сама не заметила, как ее испуг сменился радостью – еще прежде, чем она дошла до конца узкого коридора, в который выходили двери гримерных.

Ей предстояла роль, которой она пока не могла себе представить, – а значит, предстояла жизнь, которой она не могла себе представить. И эта предстоящая жизнь уже была в ее душе сильнее, чем тусклая обыденность, в которой она барахталась как в болоте, без радости и смысла. Эта предстоящая, еще не прожитая жизнь была единственной, ради которой стоило просыпаться по утрам, с мыслью о которой стоило засыпать ночью, которая была достойна того, чтобы привидеться во сне...

Эта жизнь была так прекрасна, что у Али дыхание занялось, и она остановилась прямо посередине пустого фойе. Она хотела этой жизни, она от многого ради нее отказалась – и наконец Карталов пообещал ее, и эта непрожитая жизнь подступила к самому сердцу.

Она действительно не могла уснуть, хотя следующую ночь предстояло работать в «Терре», да и день не обещал быть легким, так что по-хорошему надо было бы выспаться как следует.

Аля читала Цветаеву, наугад открывая белый двухтомник, когда-то в качестве огромного дефицита подаренный маме благодарной пациенткой. Она читала и не могла понять, что чувствует при этом. Смятение – это точно, но что, кроме смятения?

Как играть человека, если заведомо знаешь, что он несравнимо больше тебя, огромное, мощнее? Можно ли показать, как ходит, говорит, улыбается, сердится женщина, написавшая эти строки?..

Единственной зацепкой были стихи, написанные Цветаевой в Крыму: их Аля почувствовала сразу, без объяснений. Сразу вспоминался Коктебель, лиловые силуэты гор Янычаров, скала Хамелеон, тяжело лежащая в море и меняющая цвет тысячу раз на дню. И прозрение собственной судьбы, которое пришло к ней именно там, в Коктебеле, – та готовность защищать свою душу, без которой невозможно выдержать жизнь.

К середине ночи, когда Аля наконец выключила свет, голова у нее горела, глаза не закрывались, как будто крошки были насыпаны под воспаленные веки, и вместо бодрящего кофе впору было пить валерьянку.

«Не усну, – подумала она. – Везет же, у кого канаты вместо нервов».

Едва она это подумала, как почувствовала наконец, что голова у нее туманится, делается тяжелой, словно вдавливается в подушку. Но сон не подхватил ее, унося на легкой

лодочке, как это бывало обычно, а навалился душной тяжестью.

Она вообще не могла понять, что с ней происходит – сон это или явь? Тяжесть она ощущала просто физическую, да и все ее ощущения были физическими, отчетливыми. И все-таки то состояние, в которое она погружалась все глубже, невозможно было назвать бодрствованием; она засыпала...

Видения, мелькавшие в ее воспаленной голове, никак не были связаны ни с книгой, которую она только что читала, ни с каким-нибудь событием сегодняшнего дня. Але казалось, будто чьи-то руки обнимают ее, чьи-то губы торопливо, жадно касаются ее груди. Она чувствовала это дыхание, от которого, как от холода, сжимались соски, чувствовала страстные, до боли, прикосновения.

Кто-то чужой, незнакомый держал ее тело в своих руках, и она должна была бы испугаться. Но главная странность заключалась в том, что она чувствовала не страх, не растерянность даже, а только бешеное, неумное желание: чтобы объятия были крепче, чтобы не одни только руки этого неведомого человека прикасались к ней, а все его тело, которое казалось ей горячим, огромным.

Вдруг она почувствовала, что это и происходит с нею: сбывается желание, и вся она подмята тяжестью чужого мощного тела. Потом она ощутила эту тяжесть в себе, у себя внутри. Ноги ее судорожно дернулись, раздвинулись. И опять ей хотелось одного: чтобы это странное томленье не кончалось,

длилось бесконечно, все глубже пронзая ее забытое мужчинами и забывшее их тело.

Ей хотелось вскрикнуть, но вместо крика долгий, сладкий стон прозвучал в тишине комнаты так отчетливо, что она услышала его уже не во сне и не в забытьи, а наяву. Услышала – и тут же испугалась, что сейчас проснется, и кончится эта сладкая тяжесть, и она не успеет... Ей нравилась медлительность истомы, как нравилась тяжесть этого чужого, несуществующего мужчины, которому она подчинялась вся.

Тело ее вздрагивало все сильнее, билось в призрачных, но таких осязаемых объятиях, приподнимаясь им навстречу и снова падая на горячую постель.

Наконец она почувствовала, что больше не может выдерживать этого напряжения, что огонь у нее внутри становится мучительным, невыносимым... И вдруг он вспыхнул в ней последней вспышкой, она вскрикнула – и тут же тепло разлилось по всему ее телу, начинаясь между раздвинутых ног и достигая каждой возбужденной его клетки.

Теперь она действительно проваливалась в теплую, успокоительную пустоту – тяжело дыша, чувствуя капли пота у себя на лбу и на свинцовых, неподъемных веках.

Утром Аля проснулась в таком состоянии, что впору было не день начинать, а приходить в себя, как после тяжелого труда. Все тело у нее болело, как будто черти горох на ней молотили, ныли кости, а кожа саднила, как после ожога. И

не было сил даже на то, чтобы оторвать голову от подушки.

День тоже не принес облегчения: Аля чувствовала себя сомнамбулой и, придя в ГИТИС, смотрела на всех бессмысленными глазами.

– Слушай, да проснись ты наконец! – разозлился на нее однокурсник Антон. – Ты что, хочешь, чтоб я провалился?

Антон Пташников шел показываться в Маяковку и попросил Алю подыграть ему в отрывке из какой-то современной пьесы. Она, конечно, согласилась, и они даже репетировали несколько раз, но сейчас все это начисто вылетело у нее из головы. Она еле шевелила губами и двигалась настолько вяло, что на нее смотреть было тошно.

– Учти, не возьмут – ты будешь виновата, – нервно сказал Пташников. – Ты реплики так подаешь, что в двух шагах не слышно!

– Антоша, ну не сердись, – попросила Аля. – Это же не я показываюсь, а ты, какая разница, как я буду играть? Тебе же лучше.

– Интересное дело! – еще больше обиделся тот. – Выходит, по-твоему, я только на фоне снулой рыбы хорошо выгляжу?

Аля прикусила язык: действительно, глупость сморозила. Правда, обиженный Антон попал в самую точку: он всегда играл тускло, и, будь Аля в хорошей форме, она оказалась бы ему плохую услугу на просмотре в Маяковке, куда он надеялся попасть.

Конечно, она понимала причину своего безумного видения. Только полная дура не поняла бы, почему молодой одинокой женщине мерещится все это в ночной тишине и почему она наутро просыпается разбитая, с отвращением к себе.

Это было единственное чувство, которое Аля к себе сейчас испытывала.

К вечеру, когда она наконец добралась до «Терры», ей хотелось только одного: вздремнуть где-нибудь в укромном уголке.

Минуты до прихода мыдлонов тянулись медленно, казались часами, часы – вечностью. Аля никогда не была в восторге от «Терры», но в этот вечер ее раздражала здесь каждая мелочь, даже убогий голосок очередного певца.

Барменша Ксения орала на официантку Люду из-за того, что та медленно приносит в бар чистые стаканы. Люда устроилась всего неделю назад, считала, что ей несказанно повезло с работой, и была уверена, что ее в любую минуту могут выгнать. До «Терры» она работала продавщицей в киоске, потом хозяин-азербайджанец купил мини-маркет, палатку свою продал, а Люду пристроил официанткой в ночной клуб.

– Чего это, девочки, стоило, лучше не вспоминать, – мрачно и брезгливо улыбалась она.

Сомневаться в ее словах не приходилось. Как не приходилось сомневаться и в том, что если ее уволят из «Терры» –

ей хоть в петлю.

Ксения, конечно, не хуже других знала Людкину историю и тоже сочувственно кивала, когда та рассказывала, что это такое – сидеть ночью в палатке и обслуживать пьяных покупателей.

Аля понять не могла: почему же красивой барменше доставляет такое удовольствие, зная все это, унижать Людку и разговаривать с ней так, как будто ее увольнение было делом решенным? Тем более что Ксения сама начинала здесь официанткой и прекрасно знала, что это за работа и каково успевать с непривычки, да еще без посудодоборщицы.

Похоже, дело было только в том, что Ксения впервые надела сегодня новую шикарную юбку, и унижение Людки было хорошим поводом для того, чтобы лишний раз выйти из-за стойки и продемонстрировать обновку. Юбка была супердорогая, от дизайнера Пола Смита, который считался покруче Версаче. По широкому подолу были нарисованы ярко-оранжевые апельсины, смотревшиеся так натурально, что Ритка хихикала за Ксениной спиной:

– Долой авитаминоз!

Но Алю так раздражала сегодня барменша с ее хамским самодовольством, что даже над юбкой издеваться не хотелось. И как приструнишь эту стервоу? Она в своем праве: стаканы надо вовремя приносить...

В такие моменты Аля чувствовала, что сознание у нее раздваивается, трещит, как весенний лед. Стихи Цветаевой, те-

атр, Карталов – и проклятый ночной клуб с его гнусной Ксенией, безропотной Людкой, опущенной Ритой!.. Но без этой, опостылевшей, жизни была бы для нее невозможна другая жизнь – и надо было терпеть.

Одно хорошо: от злости прошла сонливость. К тому времени, как зал наполнился народом, она уже чувствовала себя вполне готовой к любым неожиданностям сумасшедшей клубной ночи.

Сонливость прошла, но раздражение осталось, и, по актерской привычке поглядывая на себя со стороны, Аля догадывалась, что оно написано у нее на лице.

Особенно одна компания выводила ее из себя – человек пять, сидевших за столиком у самого входа в зал. Это были явно не бандиты и даже не бизнесмены средней руки – так, непонятно кто. Скорее всего, мелкие оптовики, живущие от быстрой купли-продажи.

«Вторую палатку, наверное, открыли, – с ненавистью думала Аля, шваркая на их стол тарелки с горячей осетриной. – Большой праздник!»

Похоже, мыдлоны решили за свои деньги поиметь все удовольствия, доступные в ночном клубе вроде «Терры». Они уже успели по очереди поиграть в бильярд, потолкаться у бара, потанцевать, а теперь сидели, изрядно нагрузившись, и продолжали напиваться по инерции, чтобы уж по полной программе. Есть они уже не могли и гасили окурки в тарелках с остатками осетрины, хотя Аля то и дело ставила перед

ними чистые пепельницы.

Особенно один был мерзкий – в мятом поблескивающем пиджаке, со шкиперской узкой бородкой. Он-то и спросил слегка заплетающимся языком, когда Аля неизвестно в который раз вытерла вино, пролитое им на темный неполированный стол:

– Чего это у тебя лицо такое недовольное?

– А почему оно должно быть довольное? – не сдержавшись, съязвила она. – Думаешь, очень приятно за тобой подтирать?

– А это твоя работа, – назидательно растягивая слова, заявил он. – Тебе за это бабки платят.

Нагло глядя ей в глаза, он толкнул другой, полный, бокал. Вино разлилось по только что вытертому столу.

– Ах ты, скотина! – вконец обозлилась Аля. – Мне бабки не за то платят, чтоб я всяких свиней обхаживала!

С этими словами она развернулась, чтобы отойти от столика. Но тип со шкиперской бородкой схватил ее за руку.

– Ку-уда? – выдохнул он. – Куда п-шла? Сильно крутая, да? Да ты у меня сейчас языком тут все вылижешь, еще спасибо скажешь!

Чувствуя, как темнеет у нее в глазах, Аля размахнулась и изо всех сил хлестнула его мокрой тряпкой по лицу. Мыдлон отпустил ее руку, как-то слишком громко хлопнул носом – словно втянул в себя грязную влагу – и быстро-быстро заморгал. Вид у него был удивленный – он явно не ожидал

отпора, а спьяну и не мог сразу сообразить, что произошло. Глядя на этот хлюпающий и моргающий блин, Аля расхохоталась.

Пожалуй, это было уже лишнее. То ли от мокрого удара, то ли от ее смеха он все-таки пришел в себя. И тут же заорал.

– Сука! – Голос его сорвался на визг. – Ты мне!.. Я тебе!..

Он выбросил вперед толстый кулак, и Аля еле успела отшатнуться, одновременно качнувшись в сторону. Кулак просвистел в сантиметре от ее уха.

Хорошо что в зале гремела музыка и стоял шум множества голосов. Никто не обратил внимания на слишком резкие движения пьяного мыдлона: мало ли, может, это он так танцует. Но вся эта ситуация не предвещала ничего хорошего. «Шкипер» был явно доволен тем, что разгорается скандал, – значит, вечер и впрямь удался на всю катушку, не зря деньги плачены!

Он поводил налившимися пьяной влагой глазами – похоже, в поисках чего-нибудь тяжелого, чем можно было бы запустить в наглуую девку, – и взгляд его остановился на литровой бутылке «Смирновской», на доньшке которой еще плескалась водка. Зашевелились и собутыльники: отвлеклись от пьяного трепа, недоуменно уставились на приятеля.

Что делать в этой дурацкой и, несмотря ни на что, смешной ситуации – было совершенно непонятно. Аля стояла в двух шагах от расвирепевшего пьяного мужика, в тесном пространстве между столиками. Бежать? Но куда бежать, ко-

гда кругом полно людей; она и так еле протискивалась среди них, разнося заказы. Не под стол же лезть, в самом деле!

Хотя почему бы и нет? Только под стол и остается, больше некуда. Или по столам от него удирать.

Дурацкие мысли вихрем пронеслись в Алиной голове, а сама она стояла неподвижно. Мыдлон тоже застыл с бутылкой, поднятой над головой, словно граната пионера-героя. Остатки водки текли из горлышка ему в рукав.

– Витя, Витек, ты чего добро переводишь? – вдруг услышала Аля. – Там же водочка еще есть, допил бы.

Голос, перекрывший общий шум, донесся от входной двери. Отведя глаза от «шкипера», Аля увидела человека, которому он принадлежал. Витек тоже обернулся на голос.

– Рома! – воскликнул он, опуская руку; в его голосе проскользнули какие-то заискивающие нотки. – А ты чего тут?

Услышав этот возглас и приглядевшись, Аля узнала мужчину, входившего в зал, хотя больше недели прошло с того утра, как она оставила его в машине на улице Удальцова.

– Как – чего? – хмыкнул Рома, подходя к столу. – Выпить пришел, развлечься. А ты тут, смотрю, драку затеваешь?

– Да не-ет... – промямлил Витек. – Я тоже – выпить. Это я так, блядь эту поучить хотел!

– Ну-у, Витя, нехорошо так с девушкой! – укоризненно-хамоватым тоном протянул Рома; теперь было особенно заметно, что Витек почему-то перед ним заискивает. – Женщина – она друг человека, забыл? Что ж, выпить так выпить.

Давай, знакомь с друзьями!

Не глядя на Алю, он подсел за стол. Витек послушно уселся рядом.

Воспользовавшись этим неожиданным обстоятельством, Аля отошла от стола.

– Рит, – попросила она, – возьми себе моих, во-он тех, которые у входа сидят, а? А я твоих каких-нибудь возьму.

– А что такое? – насторожилась Ритка.

Дружба дружбой, а искать себе приключений никому неохота!

– Да ничего особенного, я с одним там поругалась просто. Так-то они уже дошли до кондиции, скоро отвалят. А тот, который только что пришел, он чаевые всегда дает, не волнуйся.

Избавившись таким образом от новой встречи с Витьком, Аля побежала к бару за очередной порцией выпивки для клиентов, которые сидели за длинным столом у самой эстрады. Услышав заказ – шесть коктейлей, – Ксения благосклонно улыбнулась ей. Аля прекрасно знала, что все коктейли будут расписаны барменшей как отдельно проданные напитки, а разница ляжет ей в карман.

Казалось, можно было радоваться, что так удачно завершилась история, обещавшая столько неприятностей. Но ничего похожего на радость Аля не испытывала.

Наоборот, ей стало так тошно – хоть беги отсюда совсем.

«Где ж тот предел? – едва не плача, думала она, не забы-

вая, впрочем, собирать грязные стаканы со столиков. – До какой же степени я могу все это терпеть? Совсем я, что ли, в тряпку превратилась, только по морде мною хлестать?..»

Но зал был полон, музыка гремела, заказы сыпались один за другим. А тоскливо тебе или весело – это твои проблемы. Ты сюда не веселиться пришла!

Ритка – та даже не поняла, отчего расстроилась ее напарница.

– Так, что ли, ударил он тебя? – спросила она, когда, уже утром, они уселись вдвоем за освободившийся столик, чтобы хлебнуть кофе и прийти в себя, перед тем как идти домой.

– Да не он меня, а я его, – поморщилась Аля. – До сих пор противно...

– Чего противного? – искренне удивилась Рита. – Хляснула тряпкой, с рук сошло – чего тебе еще? Хоть душу отвела!

– Да, душу... – пробормотала Аля. – Куда я ее только отвела?

– Выпьешь? – не обращая больше внимания на ее расстройство, предложила Ритка. – Давай вискаря по граммულке, а? Устала сегодня, аж гудит все. Как все равно взвод насилывал.

От виски Аля отказалась: когда она была в таком настроении, как сейчас, алкоголь только усиливал напряжение. Да она и не знала, что сейчас могло бы его снять.

– Пойду, Ритуля, – сказала она, тяжело поднимаясь из-за

стола. – И правда, ноги гудят.

– Варикоз тут наживем, – согласилась Ритка. – Блядская работа, если разобраться. А где лучше? – философски заключила она.

– Сашенька! – окликнул ее кто-то, когда она уже шла через вестибюль к двери, ведущей на улицу.

Аля вздрогнула. Она всегда замирала, если ее называли Сашенькой. Только Венька так ее называл, потому что так звали его первую любовь...

Рома явно дожидался ее и шел к ней теперь через вестибюль, широко улыбаясь. Он был все в том же мягком, небрежно расстегнутом фиолетовом пальто. Несмотря на бурную ночь – кажется, он пришел в «Терру» не позже двенадцати, – его темно-бежевый костюм выглядел безупречно. Это Аля определила сразу, почти не глядя. Илья всегда носил хорошие, дорогие костюмы, и она научилась в них разбираться.

«Опять Армани, что ли? – машинально подумала она. – Или Босс».

Одни глупости лезли в пустую, усталую голову.

– А, это ты, – безразлично произнесла Аля. – Спасибо, выручил.

– Кого? – Рома постарался скроить удивленную мину, но вышло не очень естественно. – А-а, сегодня-то! Да ну, не за что. Витек этот задолжал мне, не по-крупному, правда, но

все ж таки... Ты куда идешь?

– Домой, куда еще, – сказала Аля, пытаясь обойти его, как стоячий столб. – Это только вы можете ночь здесь просидеть, а потом на работу идти. Хороша у вас работа!

– У кого – у меня? – удивился он. – Да разве я на работу? Тоже отдыхать. А мне, между прочим, сегодня опять из-за тебя выпить пришлось. Ну, с Витьком, с мудаком этим.

– Бедный! – сказала она с невольной иронией.

– Не то чтобы бедный, а тачка-то опять... Как домой доеду?

Аля подняла глаза, и ей показалось, что Рома довольно ухмыляется, глядя на нее. Его маленькие черные глаза весело поблескивали.

И вдруг вся злость, накопившаяся за этот вечер, ударила ей в голову!

«Домой он не доедет! – подумала она с такой ненавистью к нему, как будто он был виновником всех ее несчастий. – Рыцарь, прекрасную даму защищал! Теперь ждет, чтоб она ему дала с доставкой на дом...»

Но несмотря на всю ненависть, голос ее прозвучал спокойно.

– И что ты предлагаешь? – спросила Аля. – Чтобы я снова за руль села?

– А почему бы и нет? – тут же откликнулся Рома. – Ты ж не пила вроде.

– А если стукну твою тачку дорогостоящую? – поинтере-

совалась она. – И вообще, ты хоть спросил, права у меня есть?

– Стукнешь – починим, – снова ухмыльнулся он. – У меня свой автосервис, между прочим... А права мне твои не нужны.

– Ментам зато нужны.

– Ментам бабки нужны, а не права, – резонно заметил он.

– Что ж, поехали! – со злорадным торжеством усмехнулась Аля. – Если последствий не боишься...

– Куда поедем? – спросила она, поворачивая ключ зажигания.

– Куда повезешь! – с готовностью откликнулся Рома. – Говорю же – выпил я.

Он был не очень похож на пьяного.

«Хотя какая разница? – подумала Аля. – Получит он у меня благодарность!»

Она поехала по той же дороге, что и в прошлый раз, – на Юго-Запад, мимо Киевского вокзала и Лужников. Только на этот раз она почти не смотрела по сторонам, и Москва мелькала мимо, незамеченная.

Рома пытался с ней заговорить – конечно, черт знает о чем. Расспрашивал о «Терре», о том, где она училась водить машину... Аля отвечала односложно и резко, но ему все-таки удалось выяснить, что она актриса, и это почему-то привело его в восторг.

– Вот это да! – воскликнул он. – То-то мне показалось, я тебя видел где-то! Тебя, наверно, по телевизору показывали?

– Показывали, – кивнула она.

– Ну точно! В клипе, да? Там парк какой-то был, туман немножко. Ты еще рекламировала что-то такое... Красивое. Духи, что ли? Или шляпку.

– Перчатки, – невольно улыбнулась она. – Шляпка тоже на мне была, но я ее не рекламировала.

– Видишь, запомнил... А ведь это давно было, года два, наверно. Что ж ты больше не снималась? Я тогда, помню, балдел прямо, когда ты по аллее шла. Так и хотелось догнать, честное слово!

– Не хотела больше.

– Почему? – удивился Рома.

– Это долго объяснять. Не понравилось.

Его дурацкие расспросы еще больше ее рассердили. Не хватало еще объяснять ему, что заставило ее отказаться от карьеры рекламной звезды!

– А мне так очень даже понравилось, – почему-то грустно сказал он.

За разговором он не заметил, что Аля повернула на Аминьевское шоссе, потом выехала на Кольцевую. Даже стенд у поворота с надписью «Южное Тушино» не привлек его внимания. Только когда она остановилась возле своего дома и открыла дверцу, Рома встрепенулся.

– А куда это мы приехали? – удивился он.

– Я домой приехала, – сказала Аля, выходя из кабины. – Сказал, чтобы ехала, куда хочу? Ну и будь здоров. Спасибо за доставку!

Она хлопнула дверцей и, не оглядываясь, вошла в подъезд. Конечно, можно было ожидать чего угодно – например, что он расвирепееет от такого наглого кидалова и бросится за ней. Но на это ей было плевать.

Она так ненавидела в ту минуту всю эту жизнь – «Терру», Ксению, грохот музыки, Витька с лицом как блин, Рому в фиолетовом пальто! А главное – то, что через два дня придется окунуться во все это снова.

Глава 5

Аля понимала, что самым большим даром ее судьбы была встреча с Павлом Матвеевичем Карталовым.

Теперь, спустя почти четыре года после того, как она впервые его увидела, Аля уже не могла представить, что этого дара могло ведь и не быть. Ей казалось, что Карталов всегда был в ее жизни, и значит, жизнь всегда была полна неназываемого смысла.

Она уже с трудом вспоминала то время, когда все было совсем иначе. Когда она чувствовала себя совершенно растерянной, не видящей собственного будущего. И никто ничего не мог ей объяснить...

Илья? Но что мог объяснить Илья! Она влюбилась в него, он был ее первым мужчиной, и, ослепленная любовью, она долго не замечала того, что потом стало для нее очевидным.

Аля вспомнила, как попыталась объяснить Нельке, лучшей и самой давней своей подруге, почему ушла от Ильи. Про то, что он мелкий человек... А Нелька посмотрела на нее как на полную идиотку и сказала: «Можно подумать, ты с политбюро КПСС всю жизнь трахалась! Да где ты их видела, крупных?»

Аля и сейчас улыбалась, вспоминая смешную Нелькину гримаску в ту минуту. Конечно, она была права! «Крупными» мужчинами жизнь не баловала... Поэтому Аля даже не

удивилась, когда вскоре после этого разговора вошла в квартиру Ильи и увидела Нельку в его постели. Что ж, все честно: она ведь пришла, чтобы забрать свои вещи и отдать ключи от машины. А подружка ее с детства умела выбирать лучший вариант из всех возможных...

Илья был возможен, он был реален и мыслил жестко, четко, как и должен мыслить мужчина его круга, если хочет чего-то добиться в жизни. Видеостудия, собственный ночной клуб, прибыльный бизнес, заискивающие взгляды тусовки – все это было наглядным свидетельством его правоты. Да что там говорить: первый же клип, в котором он снял Алю – тот самый, с перчатками и надписью «Вернитесь к забытым чувствам», – прошел по первому каналу и получил все мыслимые призы в Швейцарии и еще бог знает где.

От таких мужчин не уходят двадцатилетние девочки! Даже если у них неясные стремления, талант и фиалковые глаза... Это Венька говорил, что у нее фиалковые глаза, и всегда так при этом улыбался, что у нее сердце переворачивалось. «Незабвенный мой друг и нежный, только раз приснившийся сон...» Вот именно сон – человек, полный душевного смятения, запутавшийся в нескладацах жизни, не способный противостоять обстоятельствам. Аля до сих пор не знала, случайно он принял слишком большую дозу наркотика или понимал, что делает...

Ничего не мог ей ответить Венька, да она и не ждала от него никакого ответа – только вспоминала его с неизбывной

болью.

А Карталов – мог. Он был единственный, кто мог. То есть он ничего и не отвечал ей – просто она забыла, о чем хотела спросить. Ее больше не интересовало, нужно ли кому-нибудь то, что она хочет делать в театре, или людям теперь достаточно незамысловатых клипов. Все эти умные рассуждения о конце искусства и гибели культуры, которые она время от времени краем уха слышала по телевизору, стали ей безразличны.

Какая разница, погребло искусство или не погребло? И кто это вообще может знать? А она выходит на сцену, обыкновенную гитисовскую сцену во время репетиции, смотрит в глаза Карталова, сидящего за режиссерским столиком в зале, и чувствует, что вот это и есть острие жизни, то самое, на котором трепещет сердце...

Прежде Аля не предполагала, что отношения с мужчиной, от которых трепещет сердце, могут не быть любовными отношениями. Разве что догадывалась, глядя на Веньку... Но с Карталовым это было именно так. Их не связывало то, что обычно связывает мужчину с женщиной, но связь между ними была прочнее любовной, это Аля чувствовала безошибочно.

Может быть, дело было только в возрасте: все-таки Павлу Матвеевичу было за семьдесят. Но для себя Аля давно решила, что причина в другом: значит, любовь все-таки не самое сильное чувство, не то, ради которого ничего не жалко.

То есть, может быть, для кого-то любовь и важнее всего на свете, но не для нее.

Она никогда не давала себе торжественной клятвы посвятить жизнь театру – это как-то само собою получилось. Ради этого она отказалась от безбедной жизни, клиповой славы, денег и очень сомневалась теперь, что любовь к какому-то неведомому мужчине способна овладеть ее душой. Да и не видела она их, этих мужчин, вот просто в упор не видела, хотя искренне пыталась разглядеть какие-нибудь выдающиеся качества у тех, с кем сводила жизнь.

Ей нравились ухаживания поклонников – довольно многочисленных, что было неудивительно при ее внешности. Но она ни разу не пожалела о том, что ухажеры, повертевшись вокруг нее, постепенно исчезают. Может, и правда, как та же Нелька когда-то говорила, она динамистка прирожденная – ну и что? Лучше быть динамисткой, чем жизнь посвятить какому-нибудь ничтожеству, которое и не поймет, что ему посвящено.

К четвертому курсу Аля Девятаева имела прочную репутацию лучшей студентки Каргалова и при этом холодной, равнодушной ко всему, кроме театральной карьеры, девицы. А то, что ее на аркане было не затащить туда, где собиралась молодая богема, только подтверждало эту репутацию.

Она совершенно не ожидала, что однокурсники воспринимают ее таким образом, и ужасно удивилась, когда красавица Лика с плохо скрытым злорадством проинформирова-

ла ее об этом.

– А как же ты думала, Алечка? – привычно-обворожительно улыбаясь, заявила Лика. – Ты же всех отшиваешь, крупной звездой себя считаешь, разве нет? Мы сначала думали, у тебя есть кто-нибудь... выдающийся. Но ведь после Святых и не было никого! – Эти слова Лика произнесла уже с нескрываемым торжеством, заодно проявляя осведомленность о прежнем Алином романе. – Просто ты себя очень любишь, вот и вся загадка, – заключила она.

Алю ошеломило это заявление. Но спорить с Ликой было так же глупо, как доказывать, что она не такая – не самолюбленная, не холодная, а не тусуется просто потому, что сыта этим по горло. Что ж, если хотят считать ее верблюдом, то она не обязана собирать справки!

«А может, они и правы? – думала она иногда. – Я ведь и в самом деле никого не люблю...»

К тому же у нее не было потребности иметь близкую подругу – такую близкую, которой хотелось бы раскрывать душу. Она даже не представляла, как это можно: раскрывать душу во время разговора – в сущности, обыкновенной бабской болтовни. То есть она с удовольствием болтала хоть с той же Линкой Тарас, радуясь ее независтливости, легкому уму и доброжелательности. Но ведь только болтала, не больше.

Карталов был единственным человеком, который ее понимал. Иногда Але казалось, что он понимает ее гораздо луч-

ше, чем она понимает себя сама. А если тебя понимает такой человек, разве этого мало?

Он один ценил ее умение владеть собою, которое было так же дано ей от природы, как выразительные черные глаза. Он любил в ней сдержанность, которая не позволяет изображать страсть пошлыми жестами.

Аля забыть не могла, как еще на втором курсе Карталов выгнал с репетиции Родиона Саломатина – того самого парня с гитарой на лохматой веревке, который на вступительном этюде оказался Алиным партнером.

– Думаешь, ты ведешь себя свободно? – яростно кричал Карталов. – Ты что думаешь, эта твоя наглая развязность – от большой содержательности? У тебя движения провинциального сутенера, а ты воображаешь их эффектными!

Родьке можно было только посочувствовать. А вообще-то все мужчины были, по сути, такими точно Родьками, которые не замечают своей пошлости.

Накануне первой репетиции Аля постаралась успокоиться. Даже в «Терру» не пошла – заменилась, сказавшись больной. Ей хотелось остаться только в одном мире – в мире Цветаевой и театра – иначе было не выдержать.

Впрочем, успокоиться ей не удалось.

Она сидела в большой репетиционной, прямо напротив зеркальной стены, и все время видела свое отражение. Аля представить не могла, что можно так бояться собственного

отражения в зеркале, так отводить глаза от своего же взгляда! К тому же, помучившись немного над тем, что надеть на первую репетицию, она так ничего и не выбрала. Все ее наряды почему-то показались ей вызывающими. Совершенно отчаявшись из-за сушей ерунды, она в конце концов натянула черные джинсы с черным свитером и теперь казалась себе в зеркале унылым восклицательным знаком.

Аля украдкой поглядывала на актеров: чувствуют ли они что-нибудь подобное? Но все хитрованцы казались ей спокойными, даже веселыми, и взгляда от зеркальной стены никто не отводил.

Нины Вербицкой на репетиции не было: она в этом спектакле не играла. Пожалуй, ее отсутствие было единственным облегчением – по крайней мере не придется страдать от уколов самолюбия.

Только теперь, незаметно разглядывая карталовских хитрованцев, Аля вдруг поняла, чем отличаются эти молодые актеры от ее однокурсников, да и от нее самой. Конечно, не разницей в возрасте – какая там разница, от силы пару лет, да у них и постарше были на курсе.

Разница была в опыте – то есть в том, о чем Аля как-то не думала всерьез, наивно полагая, что он набирается незаметно и его отсутствие угнетать не может. Теперь она вспомнила, как Карталов сказал однажды, года два назад:

– Плохой актер владеет тремя штампами, хороший – сотней. Утверждение банальное, но абсолютно верное. Хотя и

неточное.

Тогда она не поняла смысла этой фразы. Что значит «верное, но неточное»? Но теперь, наблюдая за актерами, которые готовились читать пьесу, Аля наконец понимала...

Они не только чувствовали, догадывались, улавливали – они знали. Они умели показать радость, гнев, удачу так, чтобы и через неделю после спектакля зрители вспоминали: вот такой бывает радость, а таким – гнев. А она не умела ничего, в этом сомневаться не приходилось! И теперь, в минуту волнения, когда все ее чувства вдруг разом притупились, Аля оказалась совершенно беспомощна без этих необходимых умений.

Ей казалось, что у нее стучат зубы и вошедший в репетиционную Карталов услышит этот стук.

«А ведь еще только читать надо, – думала она с тоскливым страхом. – Что ж потом будет? Зачем все это? Какая из меня Марина!»

Черный восклицательный знак в зеркале потихоньку превращался в вопросительный.

Аля была уверена, что на этот раз Карталов попросил ее задержаться, чтобы сказать: «Извини, я в тебе ошибся».

«А может, и извиняться не станет... – думала она, с ожиданием глядя на него и с отвращением – на свое отражение в зеркальной стене. – Ему-то за что извиняться!»

– Я очень плохо читала, Павел Матвеевич? – спроси-

ла она, чтобы хоть как-то предупредить его окончательный приговор.

– Не очень, – помедлив, ответил он. – Учитывая, что все читали плохо, – не очень.

– Все? – поразилась Аля. – Но почему же все?

– По разным причинам. – Он усмехнулся, но усмешка вышла невеселой, и глаза не блеснули. – В основном потому, что вообще не привыкли читать, особенно стихи, да и прозу тоже. Ритма не чувствуют совершенно... Черт вас знает, что с вами делать! – наконец сердито воскликнул он. – Чем вы вообще занимаетесь, можешь ты мне сказать? Какие такие великие дела совершаете каждый день, что книжку некогда открыть?

Аля послушно и лихорадочно попыталась сообразить, чем же она занимается каждый день, но кроме чертовой «Терры» ничего не лезло в голову.

«Но ведь это не днем, а ночью... – почему-то мелькнуло в голове. – Тьфу ты, о чем я!»

– Я вообще-то читаю... – робко произнесла она.

За все эти годы Аля не преодолела робость перед Карталовым, хотя никто не был ей ближе. Правда, она не раз замечала, что такую же робость испытывают перед ним все – даже Нина Вербицкая, даже Мирра Иосифовна из гитисовского деканата. Просто человек-загадка!

– Ну, ты, положим, читаешь, – смягчился Карталов. – Но именно, что «вообще-то...». И все равно! – тут же снова рас-

сердился он. – Ты совершенно закрыта, ты как будто в око-
вах! Почему ты не хочешь почувствовать этот текст?

– Я просто не могу, – опутив глаза, выдавила Аля. – Я
этого не понимаю, понимаете, Павел Матвеевич? Для меня
это какие-то странные чувства, чрезмерные...

– Нашлась Снегурочка, – сердито пробормотал он. – Нет
уж, милая, ты заблуждаешься, глубоко заблуждаешься! Это
тебе только кажется, что чрезмерные! Для кого же они чрез-
мерные, скажи, пожалуйста? Для какой-нибудь дуры-девки,
которая только и мечтает выскочить повыгоднее замуж? По-
чему ты хочешь ей уподобиться?

Але показалось, что даже брови у него взъерошились от
возмущения.

– Да я не хочу, – не выдержав, улыбнулась она. – Я совсем
не собираюсь замуж.

– Ладно, замуж я тебя не выдаю, – улыбнулся и он. – Но
поработать тебе придется. В этой роли должна чувствоваться
очень сложная внутренняя жизнь, мощная страсть при пре-
дельной внешней сдержанности. Ты понимаешь?

Теперь он смотрел на нее серьезно, без усмешки. Аля кив-
нула.

– Ты умеешь владеть собой, это много значит. И у тебя
есть воля – это значит еще больше. Так что не придуривай-
ся, Александра! Всему заново придется учиться – ходить, го-
ворить. Неужели я вам никогда об этом не рассказывал? –
спросил он с недоумением. – Ведь это с каждой ролью долж-

но происходить: все заново...

– Да говорили, конечно, – покраснев, ответила Аля. – Но у меня, знаете, Павел Матвеевич, все из головы вылетело.

– Ну и ладно, – сказал он, завершая разговор. – Может, это как раз и нужно.

Глава 6

После первой репетиции и разговора с Карталовым Аля возвращалась домой в подавленном настроении.

Хорошо ему говорить: все заново! А как? Ей казалось, что даже на вступительном конкурсе она чувствовала себя увереннее, чем сейчас. Тогда, во всяком случае, она сразу схватывала любой текст, запоминала мгновенно и все в ней отзывалось написанным словам. А теперь она пыталась вспомнить «Сонечку и Казанову» – и не могла, просто не могла вспомнить то, что прочитала вслух всего час назад.

Уже начался декабрь, а зима все не наступала. Но вместо привычной слякоти вдруг установилась чудесная бесснежная погода, земля промерзла и звенела под ногами.

Але казалось, что, пока она идет от автобусной остановки к дому, под ее каблуками рассыпаются по асфальту невидимые льдинки. Фонари по всей улице были выключены, и месяц сиял в небесной темноте, как серебряный парус.

На двери подъезда два дня назад установили наконец кодовый замок. Но – все не слава богу! – код Аля как раз и забыла. Она остановилась у двери, тыкая пальцем в тугие кнопки и пытаясь вспомнить нужный набор цифр.

Цифры всегда были для нее проблемой, еще с детсадовской поры. А в школе ей вечно снижали оценки по истории из-за того, что она даже дату Куликовской битвы не могла

запомнить.

– Для тебя, Девятаева, что год, что век, что номер телефона! – возмущалась историчка и была права.

Так что код не стоило и вспоминать, все равно это было дело безнадежное. Оставалось только дожидаться какого-нибудь более памятливого соседа.

– Помочь? – вдруг услышала Аля и обернулась на веселый голос.

В двух шагах от нее стоял на бровке тротуара не кто иной, как Рома в фиолетовом пальто.

Вот уж о ком она меньше всего думала в эту минуту, вот уж кого меньше всего хотела видеть!

– Это вы... – пробормотала Аля. – Вы что это здесь делаете?

От неожиданности она даже на «вы» его назвала, даже смутилась слегка. Все-таки ведь это его она так нагло пробросила у этого самого подъезда! Правда, встретить она его в «Терре», Аля не ощутила бы ни малейшего смущения: там она чувствовала себя так, как и следует себя чувствовать в соответствующих обстоятельствах. Но здесь, у своего дома, тихим морозным вечером... Она смутилась, вспомнив, какие хамские интонации звучали в ее голосе, когда она захлопнула дверцу машины.

– Вас дожидаюсь, – ответил Рома. – В «Терре» сказали, вы заболели, а окна ваши темные. Где это вы ходите?

И он назвал ее на «вы» – тоже, что ли, от смущения? Но

выглядело это, во всяком случае, трогательно, и обрывать его было неловко.

– Какая разница, где я хожу? – смягчая свой вопрос улыбкой, ответила она. – Меня больше интересует, как домой по паду. Код забыла!

– Так давайте помогу, я ж говорю, – тут же повторил он.

– Как это вы мне поможете? – удивилась Аля. – Вы что, сейфы вскрываете?

– Элементарно, Ватсон, – хмыкнул Рома. – При чем тут сейфы! Замки эти элементарно открываются, вот смотрите. – Он поднялся на крыльцо и принялся нажимать все кнопки подряд. – Видите, которые нажимаются – они кодовые и есть. А остальные и не нажмешь.

– От кого же тогда такие замки помогают? – удивилась Аля.

– От дураков, – объяснил он.

Аля рассмеялась.

– Ну что, пригласите в гости? – спросил Рома, тоже улыбаясь.

– С какой это радости? – удивилась она.

– Ну-у, так просто... Все-таки я уже сколько тут под дверь мерзну и открыть помог. Хоть чаем бы напоила?

– Да пошли, – неожиданно для себя сказала Аля. – В самом деле, так ведь и померла бы под дверь, если б не ты. Спаситель!

Просто она вдруг представила, как входит в пустую квар-

тиру, включает свет в одиночестве... А выгнать его можно в любую минуту.

– Так ты одна, что ли, живешь? – сказал Рома, оглядываясь в прихожей. – Ну да вообще-то, окна же темные были.

– А что, ограбить хочешь? – поинтересовалась Аля. – Брать нечего, учти.

– Почему же? – усмехнулся Рома. – Дубленка ничего. Ладно, я пошутил, – тут же добавил он. – Нужна мне твоя дубленка!

– Есть тоже нечего, – не обращая внимания на его слова, предупредила Аля. – Чай заварю, как просил.

Она уже успела пожалеть, что позвала его. Можно подумать, он очень скрасит одиночество!

– Давай чай, – согласился Рома.

Он прошел вслед за нею на кухню и уселся на диванчик у стола, глядя, как она достает из буфета узорчатые чашки, вазочку с грузинским алычовым вареньем. Потом, что-то вспомнив, вернулся в прихожую и принес красную металлическую коробку в форме сердца.

– Вот, шоколад, – сказал он. – Ничего должен быть – красивый вроде.

Шоколад был не только красивый, но, судя по коробке, швейцарский, дорогой.

– Спасибо, – сказала Аля. – Слушай, – вспомнила она, – а как это ты окна мои вычислил?

– Да ничего я не вычислял, – пожал он плечами. – Бабулька какая-то шла, я и спросил, где ты живешь. Александра, говорю, тоненькая такая, большеглазая, одевается хорошо. Бабулька и выложила.

– Ты случайно не частный детектив? – усмехнулась Аля. – Прямо агентурный допрос провел!

– Да нет. – Улыбка у Ромы, если не злиться на него и приглядеться спокойно, была вполне располагающая. – Я бизнесом занимаюсь.

– Деньги делаешь?

– А то что же? Ясно, не песок. А ты в театральном институте учишься?

– Тоже бабка рассказала? – поразилась Аля.

– Конечно.

– С ума сойти! Я их, честно говоря, до сих пор в лицо не всех узнаю, а они – пожалуйста: где окна, где учусь... Откуда только они все знают, даже лавочки ведь нет перед подъездом!

Засвистел чайник, Аля насыпала в заварник чаю, доверху налила кипятка.

– Кто ж так заваривает? – удивился Рома. – Так чай венником будет вонять, больше ничего.

– А ты, видно, хозяйственный? – улыбнулась Аля.

– А то! Дай-ка я...

Рома вылил воду с чайнками в туалет, сполоснул заварник, высушил его над конфоркой, насыпал новую порцию

чая, долил до половины кипятком, накрыл кухонным полотенцем... Аля с интересом следила за тем, как он проделывает все это.

Она еще раз отметила про себя, что одет он с той дорогой простотой, с которой не одеваются основные клиенты «Терры», готовые прилепить ценник чуть ли не на собственный лоб. Только его намазанные гелем редковатые волосы были, пожалуй, нехороши.

– Заварку жалеешь? – спросил он, поймав ее веселый взгляд.

– Да нет, интересно просто. А тебе не все равно, какой чай пить?

– Конечно, нет, – недоуменно ответил он. – Зачем же помой хлебать?

– Наверное, и жене не даешь заваривать, все сам? – поинтересовалась Аля.

– А я не женатый, – широко улыбнулся он. – Так что есть перспективы.

– Для кого?

– Да хоть для тебя!

– Ну, уж для меня точно никаких перспектив нет, – снова улыбнулась Аля. – Мне все равно, какой чай пить.

Все-таки его общество не тяготило, глупостей особенных он не говорил, и Аля успокоилась.

За чаем с пористым швейцарским шоколадом выяснилось, что Ромин бизнес состоит из нескольких бензоколонок

и одного автосервиса. Он рассказывал, как воевал с «одними там», которые хотели слишком плотно его контролировать, как ловко наладил отношения с чеченцами – в общем, просто хвастался, как хвастается большинство мужчин, когда хотят понравиться девушке. Впрочем, делал он это не слишком навязчиво и не слишком самовлюбленно. Аля не слышала и половины того, что он говорил: его слова влетали в одно ее ухо и тут же вылетали в другое.

– Неинтересно? – заметил ее рассеянность Рома. – Так ты скажи, чего ж ты стесняешься!

– А я не стесняюсь, – возразила она. – Я слушаю, только не очень внимательно, ты уж не обижайся.

– Но ведь я тебя не раздражаю, правда? – вдруг спросил он.

– Правда, – улыбнулась Аля. – Легко с тобой, это правда.

– А о чем ты думаешь? – снова спросил он.

– Какая тебе разница... Ну, о роли новой думаю. О том, как стихи Цветаевой читать.

– Я не читал, но про такую слышал, конечно, – сказал он. – Интересно... Артистка!

– А почему ты в «Терру» ходишь? – спросила Аля, чтобы снова перевести разговор на него: ей не хотелось разговаривать с ним о Цветаевой, но и обижать его тоже было не за что. – Плохонький ведь клуб вообще-то, хоть и место центровое.

– Да я знаю, – согласился он. – По деньгам-то я, конечно,

куда покруче могу ходить, но мне там как-то не нравится. Слишком уж все... Как на выставке! Все только себя и показывают, а потом, видно, сплетничают: кто с кем был, кто во что одет. Ну, артисты все эти ваши, певцы, журналисты. Хочется же просто так повеселиться! А в «Терре» запросто, без всяких этих штук, так что она мне как раз подходит. Тебе-то, понятно, там не нравится. Тебе бы как раз в эти ваши клубы ходить... А хочешь, пойдем? – тут же предложил он.

– Да нет, спасибо, – засмеялась Аля. – Не хочу, Рома, можешь спокойно в «Терре» отдыхать.

«Вот везет мне на хозяйственных! – уже совсем доброжелательно глядя на него, думала она. – Макс был – один к одному, и тоже влюбился. Илья, правда, по хозяйству не очень, зато денег не жалел на облегчение жизни. И ел, что на стол поставишь».

В том, что Рома в нее влюбился, Аля уже не сомневалась. Взгляд у него был соответствующий – восхищенный, внимательный. Точно такой взгляд был у Максима, когда он впервые признался ей в любви на берегу какого-то грязного городского пруда. Только тогда ей было семнадцать лет, и признания влюбленных мальчиков доставляли ей удовольствие... Двадцать три, конечно, тоже не бог весть какие годы, но потребности выслушивать незамысловатые признания у нее уже не было.

– Ладно, пойду, – сказал Рома; Аля оценила его ненавязчивость, особенно удивительную для человека его круга и,

похоже, воспитания. – Ты устала, наверно?

– Устала, – подтвердила она. – Спасибо за компанию. И за шоколад.

Они вышли в прихожую, Аля смотрела, как он надевает пальто, туфли – тоже дорогие, из матово поблескивающей черной кожи.

– Ты извини, что я тебя так послала тогда, – сказала она.

– Это когда сюда привезла? – Он засмеялся. – Ну, какие обиды! Я ж тебя тогда, считай, обманул, прикинулся пьяным, думал к себе зазвать. Вот и получил, что следовало! Так что ты не переживай. Тем более, как бы я узнал, где ты живешь? Я тебе там визитку свою оставил на столе, ты звони, если что.

– Ты тоже, – кивнула Аля. – Телефон запиши. – Она продиктовала телефон, и он записал его в электронную записную книжку. – Только я дома редко бываю, даже вечерами – то в театре, то в «Терре».

– Я бы как-нибудь пришел, посмотрел на тебя в театре, – сказал он. – В «Терре»-то видел уже, – добавил он, улыбнувшись.

– Позвоню, – кивнула Аля. – На следующей неделе спектакль по Чехову, я невесту играю. Ты, может быть, фильм видел – старый, смешной такой, про свадьбу.

– А! – вспомнил Рома. – Точно, видел в детстве. Так ты не забудь, позвони...

Дверь за ним закрылась, загудел лифт. Аля вернулась на кухню, взяла книгу, лежащую на подоконнике. Все, что вла-

дело ею весь сегодняшний день, да что там день – все дни после того, как Карталов сказал, что она будет играть Марину, – снова подступило к душе...

О Роме она мельком вспомнила только ночью, уже отложив книгу и выключив свет в спальне. Воспоминание о нем не было ни приятным, ни раздражающим – оно просто проглянуло, как месяц в окошке, не мешая и не отвлекая.

Ни об одной своей роли Аля не думала так, как об этой.

Роли у нее во все время учебы в ГИТИСе были только характерные – далеко не из легких, даже в этюдах и отрывках, не говоря уже о спектаклях в Учебном театре. Она даже удивлялась про себя: почему Карталов не дает ей других? Впрочем, она понимала, что мастерство приобретается именно на характерных ролях, и играла их с удовольствием – хоть Катарину в «Укрощении строптивой», хоть Мурзавецкую в отрывке из Островского.

А работу с Карталовым Аля всегда считала счастьем и всегда работала с самоабвенностью, которую он так в ней любил.

Она научилась тому, что называют рисунком роли, и умела держать его от начала до конца спектакля.

Она научилась быть на сцене легкой, искрометной, стремительной, и это было для нее естественно, потому что она была пластична до невероятности – вся пронизана движением.

И вдруг она поняла, что не научилась ничему... Это было так странно, так неожиданно! Але казалось, что она с ума сходит, пытаясь понять то отношение к миру, к людям, которое было у Цветаевой. Да уже и не у Цветаевой, а у ее, Алиной, героини – Марины.

Когда она размышляла об этом спокойно, все ей как будто бы было понятно. Требовательность к жизни, от которой порою оторопь берет, – так ведь она и сама требовала от жизни слишком многого, и ей это тоже не приносило счастья. Готовность пожертвовать житейским благополучием ради чего-то неясного, необъяснимого – и это она понимала, даже пережила отчасти.

Но тот накал страстей, который ей предстояло сыграть... Аля не чувствовала себя способной на него и ничего не могла с собою поделать.

Она надеялась, что репетиции все прояснят, все абстрактное сделают реальным, зримым. Да и Карталов умел объяснять роль как никто, это уж она знала.

Поэтому она была расстроена и разочарована, когда оказалось, что репетиции откладываются, потому что Карталов на неделю уезжает в Тверь. Причина была серьезная, хотя Аля была уверена, что мало кто, кроме Павла Матвеевича, посчитал бы ее таковой.

В Твери работал его ученик, притом работал главным режиссером областного театра, что было совершенно невероятно, невозможно и немыслимо для человека, всего несколь-

ко лет назад закончившего институт. Но для Карталова не было ничего невозможного, когда речь шла о тех, кого он любил. Аля отлично помнила, как он принял ее на второй курс ГИТИСа – вопреки всем правилам, несмотря на сопротивление деканата.

Примерно так же действовал Карталов, когда у Вовки Яхонтова появилась возможность стать главрежем Тверского театра, в котором он поставил дипломный спектакль. Тогда это, кажется, даже и не возможность была, а так – кто-то пошутил, потом задумался: «А почему бы и нет?» – и Карталов тут же сказал «да!» с той решимостью, против которой мало кто мог возражать.

И вот теперь у Вовки возникли какие-то сложности с труппой – кажется, связанные с его молодой доброжелательностью, которую актеры всегда склонны принимать за слабость.

Все это Павел Матвеевич объяснил Але на бегу, когда она пришла в театр на назначенную репетицию.

– Ты уж не сердись, Алечка, – сказал он, глядя на нее чуть исподлобья, как будто и в самом деле был в чем-то виноват. – Я понимаю, тебе не терпится. Но у меня ведь есть какие-то обязательства перед Володей, правда? Едва ли он решился бы поехать главрежем, я его, можно сказать, спровоцировал. И пожалуйста – премьера на носу, а у него все наперекосяк. Вчера в таком состоянии звонил – еле его уговорил, чтобы подождал хоть до завтра. Так что придется мне ехать, ничего

не поделаешь. Придется теперь саночки возить! Да ты не переживай так, – улыбнулся он, глядя на ее расстроенное лицо. – Для Марины побереги чувства! Не волнуйся, перед самым Новым годом вернусь. Тридцать первого декабря репетиция, имей в виду. Знаешь, примета такая есть, – добавил он. – В новогоднюю ночь надо что-то сделать такое, что для тебя важно: написать хоть строчку, еще что-нибудь... Вот мы с тобой и порепетируем.

– Ну конечно, Павел Матвеевич, – смутилась Аля.

«Не умираю же я, – вздохнула она про себя. – Подожду, куда деваться».

Она и представить не могла, что ожидание окажется для нее таким тягостным. Даже странно: только недавно появилась в ее жизни эта роль, даже еще и не появилась, можно сказать, а жизнь без нее уже казалась пустой.

К тому же в театре ГИТИСа не было спектаклей с ее участием, занятий накануне Нового года тоже не было – и оказалось, что осталась у нее только «Терра». Это тоже не улучшало настроения.

Работа в «Терре» каждый раз была сопряжена с волевым усилием, которое Але с каждым разом все меньше хотелось совершать. Жаль было времени, жаль было сил – после бессонной ночи Аля чувствовала себя выжатым лимоном. Но она прекрасно понимала, что за эту работу надо держаться.

«Терра» устраивала ее во всех отношениях. От той же Ритки, да и от двух однокурсниц, работавших в других клу-

бах и ресторанах, Аля знала, что везде берут официанток только на полную рабочую неделю. И уж точно ни один хозяин не станет соотносить график их работы с какими-то там спектаклями или репетициями.

А здесь она все-таки могла работать три ночи в неделю. Правда, Аля старалась не думать, что будет, когда она начнет играть в Театре на Хитровке. Ей и так уже нелегко было совмещать такие разные миры, какими были «Терра» и театр...

Еще одна ночь близилась к концу; Аля уже счет им потеряла. Народу, к счастью, было немного, особенно на ее половине зала, и Аля думала, что, может быть, удастся даже уйти пораньше. Правда, особенно на это рассчитывать все же не приходилось: Ксения почему-то была сегодня зла как фурия. Стаканы расходовались со скоростью света, и барменша шипела на официанток с такой ненавистью, как будто те были ее личными врагами.

Аля даже сердилась на себя за то, что не может не обращать внимания на стерву Ксению и что настроение у нее незаметно портится.

«А пошла бы она! – со злостью подумала Аля, услышав, что Ксения снова зовет ее, к тому же совершенно истерическим голосом. – У меня два мыдлона всего осталось, да и те расплатились уже, пусть с ними теперь охрана разбирается. Сдам деньги и уйду, пускай хоть оборется!»

Но, к ее удивлению, Ксения вышла из-за стойки и сама

пробежала к ней через весь зал.

– Алька, да иди же! – воскликнула она; с еще большим удивлением Аля заметила, что в глазах у нее стоят слезы, а голос срывается на плач. – Иди сюда, не знаю же, что делать!

Подойдя вслед за Ксенией к стойке, Аля поняла причину ее истерики. На высоком табурете у бара сидел в стельку пьяный мыдлон. Носом он уткнулся в стойку, а из-под его головы растекалась огромная блевотная лужа.

– Сволочь! – уже в голос рыдала Ксения. – Я же их отслеживаю, таких, если что – сразу отсюда справаживаю. А этот сидел себе как порядочный, только отвернулась – пожалуйста!

С тех пор как сократили посудоуборщиц, вся грязная работа, включая уборку за такими вот мыдлонами, легла на официанток. К счастью, Але еще не приходилось сталкиваться с подобным. Она даже не могла с уверенностью сказать, как повела бы себя, если бы увидела на своем столе блевотную лужу. При одной мысли об этом у нее в глазах темнело.

– Ни за что не буду убирать, ни за что! – Ксения плакала так отчаянно, как будто жизнь ее была кончена. – Да что ж за наказание такое, что ж я, совсем не человек, за всякой падалью тут...

Как ни плохо относилась Аля к барменше, но ей стало ее жаль.

– Вот что, – решительно заявила она, – делаем так. Я беру

тряпку, и мы с тобой быстренько его будим. Пока не очухался – уберет сам, никуда не денется. Давай!

– А вдруг нажалуется? – растерянно спросила Ксения; Алина идея явно оказалась для нее неожиданностью. – Он же вообще-то не обязан...

– Обязан, – сквозь зубы процедила Аля. – Какое он ни дерьмо, а все-таки мужчина – что ж за ним женщина блевотину подтирать должна?

– Ой, – махнула рукой Ксения, – да какие мы тут женщины!

Но тряпку она принесла и ожидающе остановилась у Али за спиной.

– Ну-ка вставай! – заорала Аля прямо в ухо мыдлону. – Вставай, ты где разлегся, а?!

Одновременно с криком она яростно трясла его за плечо, стараясь не прикасаться ни к чему, кроме твидового пиджака. Мыдлон зашевелился, что-то замычал, потом поднял голову и посмотрел на Алю бессмысленными глазами. При виде его мерзко вымазанной щеки и слипшихся волос спазмы подкатили у нее к горлу.

– Ты что тут натворил, а?! – громко прошипела она, стараясь не дышать. – Кто убирать за тобой будет? Ну-ка быстро, пока никто не видел! Давай-давай, – поторопила она, заметив, что он испуганно протянул руку к тряпке. – Вот тебе тряпка, вытирай!

– Да ты че, я ж ничего, нечаянно же... – забормотал он,

возя тряпкой по стойке. – Счас вытру, чего ты разоралась?

– Живее, живее, – приговаривала Аля. – Да чище смотри вытирай, что там за пятно осталось?

Под ее сердитые окрики мыдлон довольно чисто вытер лужу. Ксения тут же подсунула ему другую тряпку, и он до блеска протер стойку.

– Ну вот, молодец, – сказала Аля. – Теперь свободен, если расплатился. Расплатился он? – спросила она Ксению.

– Да, – кивнула та. – Пускай отваливает.

Ошеломленный мыдлон сполз с высокого табурета и, пошатываясь, побрел к выходу. Кажется, он почти протрезвел от неожиданности; Аля даже побоялась, как бы не вернулся и не закатил бы скандал.

– О-ох... – протянула Ксения, когда мыдлон исчез за дверью. – Неужели все? – Она произнесла это с таким облегчением, как будто спаслась от землетрясения или наводнения. – Но ты молодец, Алька! Как сообразила, а? – Она засмеялась, еще шмыгая подпухшим носом. – Спасибо тебе! Мне бы ни за что не догадаться, да и побоялась бы...

Пока Аля возилась с пьяным, ее половина зала опустела. Утренняя, усталая тишина стояла в «Терре», и душа была так же пуста.

– Да ладно, – вяло махнула она рукой. – Забыть и не вспоминать!

Ксения догнала ее на набережной. Аля решила пройтись

пешком, чтобы избавиться от мерзкого запаха, который она до сих пор чувствовала, как будто наяву.

– Алька! – услышала она и обернулась.

Ксенина машина – франтоватая красная «шестерка» – стояла у обочины, а сама барменша выглядывала из нее. Круглая шапка из чернобурки возвышалась над ее головой.

– Алька! – повторила Ксения. – Садись, подвезу.

Помедлив, Аля все же подошла к машине. Не то чтобы ей хотелось воспользоваться сегодняшней услугой и проэксплуатировать Ксению – просто показалось, что в голосе барменши звучат незнакомые нотки.

– Спасибо тебе, – еще раз сказала та, когда Аля села рядом на сиденье. – Куда подвезти-то?

– Да никуда, – пожала плечами Аля, обиженная деловитостью расплаты. – Я и на метро доберусь прекрасно.

– Ты не сердись, – наверное, что-то почувствовав, сказала Ксения и вдруг снова всхлипнула. – Я же, правда, так растерялась!.. У меня сегодня, знаешь, все одно к одному...

Але не очень хотелось разговаривать с нею, но она чувствовала, что Ксению не остановить. Она даже с места не трогалась – сидела, вцепившись в руль, и лихорадочно теребила серебряную пуговицу на шикарном полушубке из чернобурки. Сейчас были особенно заметны морщинки на ее всегда тщательно ухоженном лице. Пепельные волосы, о которых всегда спорили девчонки – свои или крашенные, – казались тусклыми, как будто и в самом деле пеплом посыпан-

ными.

– Случилось что-нибудь? – из вежливости поинтересовалась Аля.

– Да не то чтобы случилось... Просто накопилось! Ты вообще-то как – и вправду одна живешь? – спросила она, бросив на Алю быстрый взгляд; та кивнула. – Красивая, молоденькая – даже странно. Неужели мужика не хочется? Ну и правильно, – решительно заявила Ксения. – Они же хуже волков! Сколько ни корми, все нороят сзади цапнуть. Мой вон...

Аля ожидала услышать историю о пьющем, бьющем супруге и удивилась про себя: неужели Ксения до сих пор терпела такого?

– Я ведь тоже актрисой была, знаешь? Правда-правда, – сказала она, заметив промелькнувшее в Алиных глазах недоверие. – Настоящей, в Театре Пушкина играла. Я же старая уже, разве не видно? – хмыкнула она. – Сорок скоро... Думаешь, легко было все бросить и барменшей пойти? Все из-за него, из-за Толика! Как же, он режиссер, искания у него, творческий процесс. А мне и так сойдет, лишь бы бабки захибать. Ну и дозашибалась...

– Пить, наверное, начал? – спросила Аля, чтобы что-нибудь сказать.

– Ну, пить – это понятно, это всегда было. А кто не пьет? Самые звезды, я же знаю, прямо во время спектакля, между картинами – хряп стакан водки, и дальше погнали. Да пусть

бы пил, был бы человеком только! Ведь ни о чем, о чем нормальный мужик сейчас думает, я его думать не заставляла! Дочери шестнадцать лет, представляешь, сколько ей всего надо? Один репетитор по языку – двадцать баксов за урок, а одеть, а в Англию у них весь класс едет на каникулах? Да разве он об этом помнит, разве я его заставляла помнить? Живет как кот, хорошо хоть мебель не царапает. Хотя бы благодарен был – ни фига! Жрет-пьет на мои деньги, евро-ремонт сделала, так даже дырку под картину просверлить – и то: «Твои проблемы, вызывай рабочих, я и без этого говна проживу». Искания у него... А сам видак целый день гоняет, больше ничего.

Образ Толика, нарисованный Ксенией, был знаком Але до уныния. Таких полно было в тусовке, такую жизнь вели многие бывшие однокурсники Ильи. Такой тип мужчины стал вполне привычным в последние десять лет, и Аля уже не находила в этом ничего странного.

– Но мебель же, говоришь, не царапает, – улыбнулась она. – Что ж ты переживаешь?

Ксения тоже улыбнулась, но улыбка вышла невеселая.

– Зато с дерьмом меня мешает, – ответила она. – Издевается же целыми днями, как только ни назовет! Вот вчера: мне на работу идти пора, а он как раз завелся. Я и такая, я и сякая, дура, стерва, ничего мне не надо, кроме денег, во что я его превратила, кем бы он мог быть, если б не я... А я, конечно, не выдержала – и ему в ответ: да кем бы ты был,

бомжом, кем еще, кому ты нужен, сокровище дерьмовое! С тем из дому и вылетела, опоздала даже. А тут еще мыдлон этот паршивый... Говорю же: накопилось, все одно к одному! А ты молодец, – вдруг сказала она. – Сильная девка, себя в обиду не дашь. Я-то тоже не из слабых, но все равно же внутри гниль бабская. А у тебя – кремень.

Аля поразилась, услышав эти слова.

– С чего ты взяла? – спросила она. – Что я мыдлона убирать заставила? Так это смекалка просто сработала, ничего особенного.

– Да ну, мыдлон – это мелочь, – махнула рукой Ксения. – Я вообще за тобой наблюдаю. Ты чего не захочешь – ни за что не сделаешь, это же видно. И себя, от кого хочешь, защитишь. Но только ты не обольщайся особенно, – добавила она. – Все это до поры до времени. «Терра» – она и вправду «инкогнита». Или даже «камера обскура» – так, между прочим, сначала хотели назвать. Засасывает! Сама не заметишь, как устанешь от жизни отбиваться или в лошадь рабочую превратишься... Я, во всяком случае, не заметила.

– Но что же делать? – не глядя на Ксению, неизвестно у кого спросила Аля.

– Не знаю, – ответила та. – Если б знала, разве я так бы жила? Да я б и Толика выгнала ко всем чертям, если бы... Мужика бы тебе хорошего!

– У меня уже был, – неожиданно для себя сказала Аля. – Уж куда лучше! И все равно...

– Тогда не знаю, – пожала плечами Ксения. – Если хороший был – чего тебе надо было? Баловалась, наверно, по молодости, принца ждала с белым конем между ног... Эх, Аля! – Она достала из лежащей у стекла пачки длинную черную сигарету, закурила. – Я тебе, конечно, не мать, резона тебе нет меня слушать, а все-таки: если только попадетсЯ кто приличный, ну хоть нормальный, с которым не противно, – беги ты отсюда. Ты актриса, не твое это дело – надрыватьсЯ из-за денег, воз на себе тащить. Поверь мне, я это не от подружки узнала! Не зря же раньше все актрисы содержанками были.

– Разве? – удивилась Аля.

– А по-другому никак, – кивнула Ксения. – Я домой приду, на Толика гляну – сразу это понимаю... Ладно! – Она повернула ключ в замке зажигания. – Хватит плакаться, я вообще-то терпеть этого не могу. Людка вон – ходит вечно, сопливится, аж противно: денег нет, жить тяжело... Кому сейчас легко? Ну, куда тебя везти?

Глава 7

В театр Аля зашла утром тридцатого декабря, не дожидаясь звонка завтруппой: обещал же Карталов новогоднюю репетицию. Правда, она немного удивилась, что нет звонка. Но, может быть, о ней просто забыли? Может быть, даже специально забыли в отсутствие Карталова? Приходя в Театр на Хитровке, Аля просто физически ощущала ревнивые взгляды, а Нина Вербицкая вообще старалась ее не замечать.

Это было неприятно, но, кажется, неизбежно, и, по правде говоря, Аля меньше всего думала об актерской ревности или об интригах. Здесь был Карталов, и можно было не обращать внимания на остальное. И потом, если она будет играть в Театре на Хитровке, пройдет же все это когда-нибудь, не вечно же она будет чувствовать себя здесь чужой?

Поэтому она решила сама зайти в театр в тот день, когда Павел Матвеевич должен был вернуться из Твери.

С Ниной она столкнулась на крыльце у двери. Кивнув, Аля уже собиралась войти, когда Нина неожиданно сказала:

– Павел Матвеевич не приехал, зря ты идешь.

Все они были на «ты», еще по-студенчески, так что Ниноино обращение не означало доброжелательности. Да и тон был соответствующий – надменный.

– Может быть, у меня еще какие-нибудь здесь дела, – показала плечами Аля. – А когда он приезжает?

– У тебя здесь уже есть еще какие-то дела? – насмешливо протянула Нина.

– Когда Карталов вернется? – не обращая внимания на ее тон, повторила Аля.

– Он заболел, – спускаясь с крыльца, на ходу бросила Нина. – Так что неизвестно, когда.

– Как заболел? – растерянно спросила Аля. – Да подожди же! – Забыв о том, как следует держаться, она побежала вслед за Вербицкой. – Постой же, Нина! Что с ним, где он?

Наверное, ее голос прозвучал так, что Нина остановилась и взглянула на нее внимательнее.

– Ну, где – в Твери, конечно. Да ты не переживай, – несколько мягче добавила она. – Говорят, ничего особенного. Сердечный приступ, это же не в первый раз у него. Просто надо полежать.

– Не в первый! – рассердившись на ее невозмутимость, воскликнула Аля. – Ты сама хоть понимаешь, что говоришь? Как про зубную боль!

Видно было, что Нина смутилась.

– Да он сам в театр звонил, – почти оправдывающимся тоном сказала она. – Ты что думаешь, мы бесчувственные все, одна ты о нем беспокоишься?

– Ничего я не думаю, – мрачно ответила Аля; в этот момент она действительно не думала ни о Нине, ни об остальных хитрованцах, ни о своих отношениях с ними. – В какой он больнице?

– Говорю же – в Твери, – пожала плечами Нина; лицо ее снова приобрело выражение привычной невозмутимости. – Ну, какая там больница – городская, наверное, или областная. А ты что, навестить его собираешься? Он сам сказал, что не надо.

– Мало ли что он сказал!.. – пробормотала Аля. – А вы и рады...

Она всегда чувствовала это в хитрованцах и не переставала удивляться: ей казалось, они совершенно не понимают, кто такой Карталов. Как должное воспринимают то, что он возится с ними – молодыми, никому не известными, многого не умеющими, – хотя его с распростертыми объятиями встретили бы везде, и спектакли, поставленные им в лучших московских театрах, это подтверждали. И что здание для театра не с неба свалилось, и что банкиры не сами деньги приносят – об этом, как ей казалось, они тоже как-то не думали. Занимался бы он больше собой, а меньше ими – и играли бы сейчас по окраинным ДК, неужели непонятно?

Что надо поехать в Тверь, это Аля решила здесь же, на театральном крыльце. И поехать сегодня же, чтобы завтра вернуться: новогоднюю ночь ей предстояло провести в «Терре».

Тверь была куда холоднее Москвы. Весь город продувался ветром с Волги, и от этого казалось, что он пуст и мрачен. Хотя скорее всего дело было только в том, что все уже готовились к празднику. Это Але незачем было торопиться в

пустую квартиру, а нормальные люди сидели дома.

Больница оказалась далеко от вокзала, за рекой, и Аля добралась туда уже в темноте. К счастью, приемное время было продлено в честь праздника, и ее пустили, выдав мятый белый халат.

Она думала о Карталове, поднимаясь на третий этаж по холодной, пахнувшей табачным дымом лестнице, думала о нем, идя по длинному коридору... Она и по дороге о нем думала, пока ехала в стылой электричке, а потом в городском автобусе.

Ей было страшно – и не за него, а за себя, как она, стыдясь своего эгоизма, понимала. Хрупкость ее нынешнего существования стала для нее вдруг так очевидна, что Аля содрогнулась.

Она совершенно отчетливо поняла, что Карталов – единственная реальная опора ее жизни.

«Луч света в темном царстве!» – невесело думала она, глядя из окна автобуса на старые, причудливые, купеческие еще дома, тянущиеся вдоль волжской набережной.

Все последние годы ничто не занимало ее ум, сердце, кроме того, что было связано с ним. Не то чтобы Аля отказывалась от разнообразных возможностей, которые открывает жизнь перед молодой красивой женщиной... Их просто не было, возможностей.

Ухажеры, тусовки – все это действительно казалось ей таким мизерным, что не могло задержать ее внимания даже на

день. Она нисколько не притворялась – просто не могла довольствоваться малым, хотя и пыталась иногда. Даже пошла однажды на квартиру к Родьке Саломатину, о чем до сих пор не могла вспоминать без отвращения. . .

После года, прожитого с Ильей, у нее осталось довольно много красивых и дорогих вещей. Да, наверное, и достаточно она побродила за тот год по роскошным бутикам, чтобы уже никогда не глядеть на их витрины с вожделением.

Правда, ей хотелось путешествовать – это было, пожалуй, единственное, чего ей по-настоящему хотелось и чего она не успела сделать с Ильей. Особенно Испания почему-то притягивала, как магнит, – после Крыма. Кто это сказал, что Коктебель на Испанию похож? Она не могла вспомнить, но Испания ее почему-то привлекала.

Она бы уже давно съездила в Испанию, если бы не дурацкий банк «Чара», в котором все ее не очень большие сбережения сгорели в один день. Сейчас она улыбалась, вспоминая, в какой ярости стояла под дверью проклятого банка в толпе обманутых вкладчиков, а тогда ей было не до улыбок. . . А на кого, если подумать, было сердиться? Только на собственную совковую дурость, как, усилив ее ярость, объяснил какой-то очкастый товарищ в той же толпе.

Но все это – Испания, «Чара», Илья – растворилось сейчас в мерзлом воздухе, всего этого не существовало в декабрьской тьме. А была только она – совершенно одинокая девочка, для которой весь мир влез в замкнутое простран-

ство сцены. И вот заболел Карталов, и даже это пространство могло исчезнуть...

«Ведь я совсем его не знаю, если вдуматься, – с тоской размышляла Аля. – Вся моя жизнь от него зависит, а он для меня такая же загадка, как три года назад... А если он передумает, если решит, что ошибся во мне? Что тогда я буду делать?»

Она гнала от себя эти мысли, потому что слишком уж мрачную картину они перед нею открывали. Если это случится, тогда останется только впасть в тихую панику, в которой находились накануне выпуска все ее однокурсники, и бегать по театрам, надеясь, что ее возьмут хотя бы на самую маленькую роль, и зная, что едва ли возьмут...

Карталов лежал в отдельной палате, в самом конце длинного коридора. Он так удивился, увидев Алю, как будто перед ним предстало привидение.

– Алечка! – воскликнул он, приподнимаясь на кровати. – Ты откуда взялась?

– С электрички, Павел Матвеевич, – улыбнулась она. – Вы лежите, лежите, зачем вы встаете!

– В самом деле, Паша, Алечка такая милая девушка, что простит твое неджентльменское поведение, – услышала Аля знакомый голос и тут только заметила человека, которому он принадлежал.

– Ой, Глеб Семенович! – обрадовалась она, увидев дав-

него карталовского друга. – А я вот только сегодня про вас вспоминала!

– Что же вы обо мне вспоминали, можно поинтересоваться? – улыбнулся Глеб Семенович. – Черт возьми, приятно все-таки, а, Паша? – подмигнул он Карталову. – Является накануне Нового года этакое прелестное виденье и заявляет, что вспоминало о каком-то старом коктебельском хрыче!

Аля засмеялась, вслушиваясь в знакомые интонации и словечки старого летчика. Ей всегда легко становилось и весело, когда она его видела – и впервые, на его коктебельской веранде под тремя ливанскими кедрами, и потом, когда он приезжал к Карталову в Москву. Правда, его уже больше года не было видно.

Она не думала о Глебе Семеновиче специально, но и не обманула, сказав, что вспоминала о нем. Это ведь он сказал ей однажды, что нельзя довольствоваться в жизни малым, – сказал то, вокруг чего вертелись в последнее время все ее мысли.

– Как же ты узнала, где я? – спросил Карталов. – Соку выпьешь, Аля?

– Виктор Андреевич сказал. – Виктор Андреевич был завлитом Театра на Хитровке. – Не буду сок, спасибо, Павел Матвеич. Я вам тут индюшачьи отбивные привезла.

– Бог ты мой! – поразился Карталов. – Надо же, какие бывают блюда... Индюшачьи отбивные!

Аля как раз не видела в индюшачьих отбивных ничего

особенного, потому что они продавались в фирменном магазинчике на Солянке, в двух шагах от театра, и готовились в пять минут. Там их покупали для торжественных случаев все актеры, а Карталов, выходит, понятия об этом не имел.

– Непременно Кате скажу, – сказал Карталов, узнав про магазинчик. – Выпей, выпей хоть соку, Аля! За наступающий, что ли. Ничего покрепче нету, к сожалению.

Катя, насколько Аля знала, появилась в доме Карталова пять лет назад, после смерти жены. Появилась в качестве домработницы, но, как сплетничали однокурсники, была по совместительству его любовницей. Але противно было в это вникать – разбираться, с кем живет Карталов, любит он эту Катю или просто пользуется ее услугами. И все-таки она отметила про себя, что в палате сидит только Глеб Семенович, и подумала о неизвестной ей Кате с неприязнью.

– Это у тебя ничего покрепче нету, – подмигнул Глеб. – А мы с Алечкой поищем.

С этими словами он извлек из сумки огромную бутылку с золотистой, даже на вид пьяной жидкостью.

– Что ж ты молчишь, Глеб! – возмутился Карталов. – Вино крымское привез и сидит как партизан!

– Да я тут к врачу твоему заглянул, – оправдывающимся тоном ответил Глеб Семенович, – так он, можешь себе представить, как только меня увидел, сразу руками замахал: «Учтите, ему нельзя ни капли!» Видно, моя физия наводит на известные соображения, – засмеялся он. – Так что уж из-

вини, Паша, мы с Алечкой выпьем, а ты – сочку, сочку!

Аля пила чудесное крымское вино, наслаждаясь знакомым привкусом виноградной косточки, и чувствовала, как оттаивает душа. Ей так хорошо было с этими людьми – все тревоги улечивались мгновенно.

Глеб Семенович рассказывал о крымской жизни – конечно, без восторга от того, что там происходит, но и без пустых сетований. Але нравилось, что он не ноет и не сокрушается о том, что раньше было хорошо, а теперь вот стало плохо. Да его и невозможно было представить ноющим, этого смешного, маленького, лысого полярного летчика, от которого веяло мужеством...

Аля вспомнила, как когда-то, объясняя, почему переехал в Коктебель из московского Дома на набережной, он прочитал ей стихи Бродского: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».

Она не замечала, как летят минуты, и с тоской думала о том, что скоро придется уйти.

– Вместе поедem, Глеб Семенович? – спросила она.

– Нет, Алечка, вы уж поезжайте без меня, – покачал он головой. – Я в гостинице переночую, завтра с Пашей вместе Новый год встретим. По-стариковски!

– Так уж и по-стариковски, – приобиделся Карталов. – Это, может, ты по-стариковски...

– А ты, конечно, по-молодецки, – засмеялся Глеб. – Хоть Алю-то не смехи. Весело, наверно, в ваши годы наблюдать,

как хорохорятся старые петухи, а, Алечка?

– Ничего не старые, – грустно ответила Аля. – Совсем наоборот...

Она не кривила душой: ей казалось, что молодость, мужество, живое чувство исходит только от них... Да это и в самом деле было так. Не от Ксении же с ее евроремонтом и Толиком, не от Ритки, даже не от Нины Вербицкой!

Только Карталов укреплял Алю в том, что было в ее жизни главным. Но у него была своя, от нее отдельная жизнь, и смешно было бы ожидать, что ей найдется в этой жизни какое-нибудь место, кроме того, которое она уже занимала.

Да она и не искала никакого другого места. Ее отношения с Карталовым были полны, ей с лихвой хватало того, что он мог ей дать – и давал щедро.

– Не переживай, Аля, – словно прочитав ее мысли, сказал Карталов. – В самом деле, ведь ничего страшного со мной. Перенапрягся тут немного из-за Вовки, давление подскочило. Очухаюсь! Обещал я тебе репетицию под Новый год, не вышло вот... Так ведь, даст бог, не последняя, правда?

– Правда, Павел Матвеевич, – кивнула Аля. – Думаете, я потому приехала, что в живых вас боялась не застать?

– Ох, Алька, язычок у тебя острый, тяжело тебе будет среди моих хитрованцев, – рассмеялся Карталов. – Эдак и индюшачьих отбивных не захочешь! Ну-ну, не обижайся, – добавил он, заметив ее смущение. – Я рад, что ты приехала, честное слово, спасибо тебе.

Уже стоя в дверях, Аля неожиданно для себя спросила:

– Павел Матвеевич, а правда, что раньше все актрисы были содержанками?

Карталов расхохотался так громко, что какая-то медсестра заглянула в палату из коридора.

– Алечка, кто это тебе сказал, интересно? – отсмеявшись, спросил он. – И что тебе до этого?

– Да ничего, это я просто так спросила, – покраснев, махнула рукой Аля.

– Просто так? – Взгляд у него стал цепкий, пронизывающий. – Так уж и просто так! А ну-ка, скажи, что у тебя случилось?

– Ничего, Павел Матвеевич, – на этот раз твердо ответила Аля. – Ничего у меня не случилось. С наступающим вас и вас, Глеб Семенович!

Помахав рукой, она вышла из палаты и, все убыстряя шаги, почти побежала по коридору. Сумка оттягивала ей плечо, мешала идти, Аля взяла ее в руку и только тут удивилась ее тяжести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.